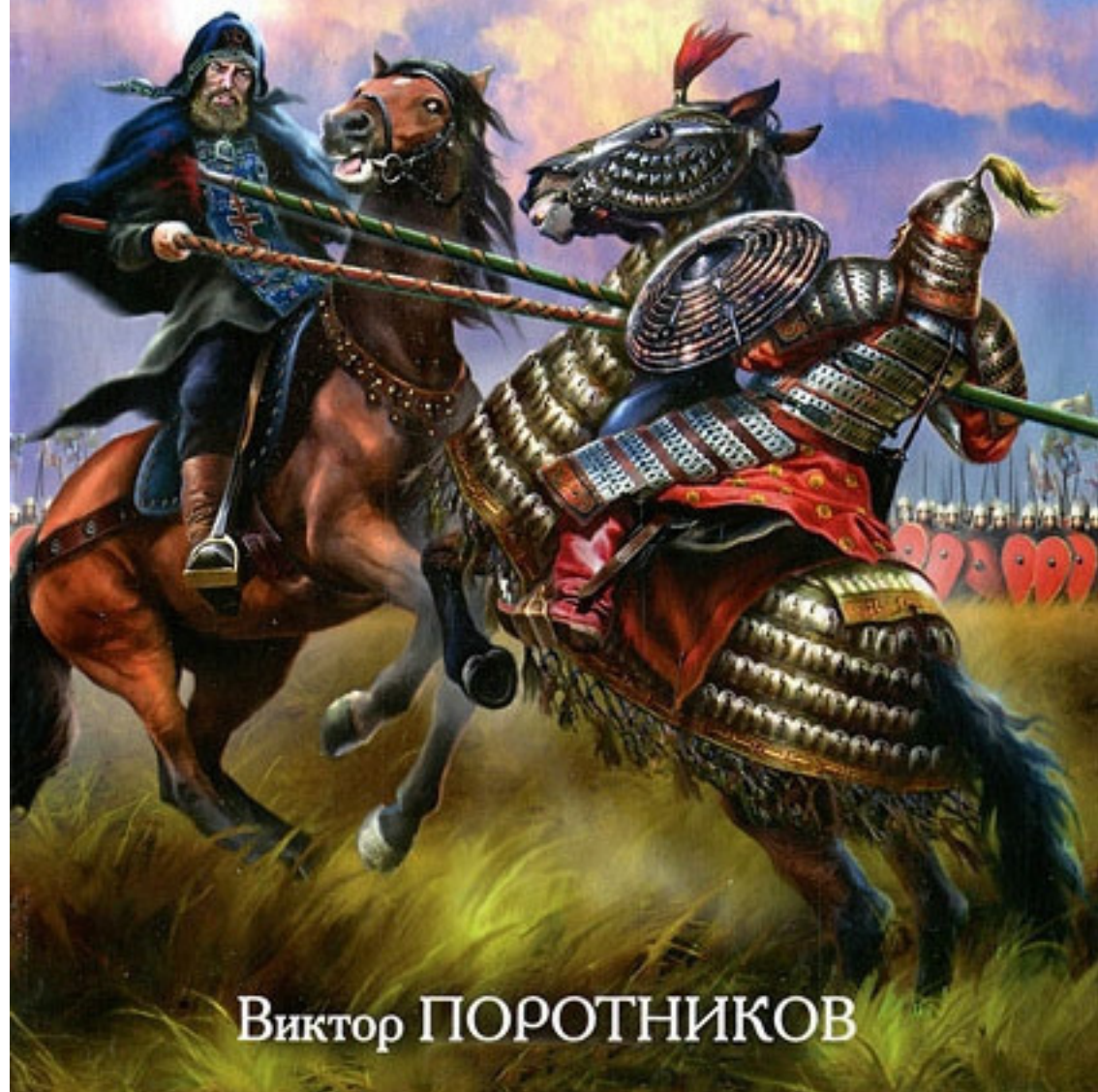

ПЕРЕСВЕТ

ИНОК-БОГАТЫРЬ ПРОТИВ МАМАЯ

Русь изначальная

Виктор Поротников

**Пересвет. Инок-
Богатырь против Мамая**

«Яуза»

2012

Поротников В. П.

Пересвет. Инок-Богатырь против Мамаю / В. П. Поротников — «Яуза», 2012 — (Русь изначальная)

Он начал Куликовскую битву, сразив в единоборстве монгольского богатыря Челубея и заплатив за свой подвиг жизнью. Он вышел на поединок против закованного в доспехи степняка, не надев даже кольчуги, в монашеской рясе, с крестом на груди – и пал бездыханным на труп поверженного врага, «смертью смерть поправ», вдохновив русское войско на победу над Мамаевыми полчищами. Что еще мы знаем о легендарном Пересвете? Да почти ничего. Историки спорят даже о том, откуда он был родом – из Брянска или Любеча... Новый роман от автора бестселлеров «Побоище князя Игоря», «Злой город» против Батыя» и «Куликовская битва» восполняет этот пробел, по крупицам восстанавливая историю жизни Александра Пересвета, в которой были и война с Тевтонским орденом, и немецкий плен, и побег, и отцовское проклятие, и монашеский постриг, и благословение Сергия Радонежского, открывшего иноку Александру его великое предназначение – пожертвовать жизнью «за други своя», укрепив дух войска перед кровавой сечей, в которой решалась судьба Русской Земли и Русского народа.

© Поротников В. П., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава Вторая	9
Глава третья	17
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	30
Глава восьмая	35
Глава девятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктор Поротников

Пересвет. Инок-Богатырь против Мама

Часть I

Глава первая Корибут Ольгердович

Был год 1370-й.

Брянский князь Корибут Ольгердович собрал как-то на совет своих воевод, было это в середине января. На этом совете присутствовали боярин Ердень с братом Будивидом и сыном Кориатом, а также бояре Станислав Иванович и Ян Скиба.

– Нынче утром примчался гонец от моего отца, – сказал князь своим приближенным. – Отец мой стягивает полки к Вильно. Мне велено без промедления прибыть с дружиной туда же. А посему, други мои, снаряжайте гридней и слуг в поход. На сборы вам даю полдня.

– Куда же замыслил князь Ольгерд двинуть рать на сей раз? – спросил Ян Скиба.

– Об этом гонец ничего не поведал, – ответил Корибут Ольгердович. И с усмешкой добавил: – Вам же ведомо, сколь непредсказуем и скрытен мой отец. Своими помыслами он ни с кем не делится. Уверен, даже виленские бояре и те не знают, против кого исполчает войско мой грозный родитель. Наверняка это станет известно в день, когда прозвучит сигнал трубы садиться на коней, как уже бывало не раз.

– Чего тут гадать! – обронил седоусый Ердень. – Опять на Москву двинет войско князь Ольгерд, как пить дать. Не вышло у него разорить Москву внезапным ударом два года тому назад, но князь Ольгерд упрям и настойчив. Он не уgomонится, покуда не подомнет под себя московского князя.

– Я так же мыслю, – произнес Будивид, переглянувшись с братом.

– Зачем нам тогда коней до Вильно гнать? – пожал широкими плечами боярин Станислав Иванович. – От Брянска до Москвы путь не долгий. Мы можем дожидаться, когда войско Ольгерда подойдет к верховьям Днепра, и там соединиться с ним.

– Отцовский приказ я нарушить не могу, бояре, – сказал Корибут Ольгердович. – В гневе отец может лишить меня брянского стола. Ступайте, други! Собирайте дружину в поход!

Воеводы, шаркая сапогами по скрипучему деревянному полу, направились к выходу из гридницы. Они наклоняли голову, исчезая один за другим в низком дверном проеме.

Станислава Ивановича князь попросил задержаться, поэтому тот остался сидеть на своем стуле. Боярин был могуч телом и красив лицом, длинная свита из малиновой парчи, расшитая золотыми узорами, облегла его статную фигуру, подчеркивая бугры мышц на груди и плечах. У боярина были голубые глаза, прямой греческий нос, небольшая светло-русовая борода и такого же цвета волосы, подстриженные в кружок.

Корибут Ольгердович был моложе боярина Станислава на двадцать лет, ему лишь недавно исполнилось двадцать девять. Князь был строен и довольно крепок физически, поскольку имел деятельный нрав и всю свою жизнь проводил в битвах и походах. У него были благородные черты лица, в которых, как в зеркале, отражались все его душевные порывы. Свои длинные темно-русые волосы Корибут Ольгердович носил расчесанными на прямой пробор, скрепляя их узкой головной перевязью. Борода и усы у него были едва заметные, поскольку князь имел привычку довольно часто бриться. Став брянским князем, Корибут Ольгердович

принял православие, дабы христианское население этого русского города не относилось к нему враждебно. По этой причине жители Брянска чаще называли своего князя его христианским именем Дмитрий, нежели языческим литовским. И только старшая дружина, в которой было немало литовцев, называла своего повелителя по имени, данному ему при рождении.

– Что произошло между гриднем Ослябей и твоим сыном, боярин? – спросил Корибут Ольгердович, усевшись напротив Станисмира Ивановича. – Какая собака между ними пробежала, доведя их до непримиримой ссоры?

– Дело обычное до смешного, княже, – промолвил в ответ Станисмир Иванович, хмуро качая головой. – Влюбились два друга в одну девицу-красавицу, и оба же к ней посватались чуть ли не в один день. Девица выбрала моего сына, отказав Ослябе. Вот Ослябя и взбеленился. Сначала молодцы подрались посреди улицы, потом за ножи схватились, но люди их вовремя растащили.

– У меня был боярин Всеслав, отец Осляби, с жалобой на тебя, – сказал князь, глядя в глаза Станисмиру Ивановичу. – С его слов выходит, что с отцом той девицы-красавицы у него был уговор, по которому эта боярышня должна была идти под венец именно с Ослябей. А твой сын Пересвет, вмешавшись, все испортил. Что скажешь на это, боярин?

– Отпираться не стану, княже, – вздохнул Станисмир Иванович. – Боярин Всеслав не покривил душой, его сын первый положил глаз на Чеславу, дочь Размысла Степановича. По всему выходит, что Пересвет отбил невесту у Осляби.

– Как же Пересвет решился на такое?! – возмутился князь. – Ведь он же дружен с Ослябей с детских лет! Их же было водой не разлить!

– Очаровала Чеслава Пересвета, вот разум у него и помутился, – промолвил боярин Станисмир с тем же тяжелым вздохом. – Я и сам уже выговаривал ему за это. Мол, девиц пригожих, что ли, мало в Брянске, почто он у лучшего друга своего невесту увел. Получается, что сын мой невесту приобрел, а друга потерял.

– Ладно бы токмо это, боярин, – проворчал князь. – Через эту ссору я тоже в убытке остался. Ослябя заявил, что уходит из моей дружины. Его понять можно, ведь и Пересвет в моей дружине состоит. Из молодых гридней эти двое были лучшими во всем! Теперь получается, что одного удалого молодца я лишился. Досадно мне это, боярин.

– Вину свою я признаю, княже, – промолвил Станисмир Иванович, опустив глаза к полу. – Рад бы все исправить, но не ведаю, как это сделать. Не слушает Пересвет моих увещаний и нравоучений. Упрямец он, каких поискать!

– Я сам попытаюсь примирить Пересвета с Ослябей, – сказал Корибут Ольгердович, поднявшись со стула. – Пришли-ка своего сына сей же час ко мне, боярин. А я тем временем отправлю своего слугу за Ослябей.

Станисмир Иванович поспешно удалился, отвесив князю поклон.

* * *

Ослябя был первенцем у боярина Всеслава. Младенец был мал и тщедушен, поэтому отец и прозвал его Ослябей, что значит на местном славянском наречии «хилый, слабый». Однако к пятнадцати годам Ослябя сильно вытянулся в рост и окреп физически настолько, что в драках со сверстниками в одиночку одолевал троих. На своей улице Ослябя не давал спуска никому, с ним боялись связываться и боярские сыновья, и купеческие.

На соседней улице жил боярич Пересвет, такой же драчун и заводила. В одной из уличных потасовок Пересвет столкнулся с Ослябей и выстоял против его крепких кулаков, несмотря на то что был на год моложе того. Сильный всегда уважает сильного, поэтому между Ослябей и Пересветом сразу завязалась дружба. Объединив мальчишек на своих улицах в одну общую ватагу, Ослябя и Пересвет водили их в набеги на соседний ремесленный околоток. Там сыновья

брянских бояр и купцов сходились стенка на стенку с крепкими сыновьями кузнецов, гончаров, плотников и кожемяк.

Возмужав, Ослябя и Пересвет вступили в дружину брянского князя по примеру своих отцов. К тому времени Брянск оказался под властью возвысившейся Литвы. Если раньше на брянский стол обычно претендовали выходцы из черниговских Ольговичей, то с той поры как над Северо-Восточной Русью утвердилось иго татарских ханов, черниговские и киевские земли стали тяготеть к Литовскому княжеству. Литовские князья не платили дань татарам, не склоняли голову перед немецкими крестоносцами и польскими королями. Взяв под свою руку всю Юго-Западную Русь, литовские князья избавили своих русских подданных от унижительной ордынской дани. Хотя от грабительских татарских набегов черниговские и киевские земли страдали так же, как и окраины Рязанского и Московского княжеств.

В отличие от Осляби Пересвет с самого рождения рос крепышом. У него имелись старшая сестра и брат. Цветом волос Пересвет заметно отличался от сестры и брата, те были светло-русые, а он был почти белокурый. Потому-то ему и дали такое имя. Пересвет означает «наиболее светлый». Это имя было также связано и с цветом кожи Пересвета, который был очень белокож по сравнению с братом и сестрой. Когда Пересвет был еще маленький, то соседи втихомолку поговаривали, что мать, видимо, купает его в молоке, потому-то он такой белый и красивый.

Корибут Ольгердович дорожил Ослябей и Пересветом, поскольку оба, несмотря на молодые годы, превосходно ездили верхом и отменно владели оружием. В молодой княжеской дружине Ослябя числился сотником, а Пересвет был у него в помощниках, то есть верховодил полусотней. Ниже полусотника по рангу значились только десятники. Среди княжеских сотников Ослябя был самым молодым, ему недавно исполнился двадцать один год. Пересвет в свои двадцать лет был самым молодым среди княжеских полусотников.

...Они стояли перед князем статные и широкоплечие, в длинных одеяниях из добротного фризского сукна, в красных сафьяновых сапогах с загнутыми по тогдашней моде носками. Оба неловко комкали в руках круглые парчовые шапки с меховой опушкой; у Осляби шапка была оторочена мехом куницы, у Пересвета – мехом черно-бурой лисы. На узорном поясе у Осляби висел кинжал в серебряных ножнах. Пересвет пришел на зов князя безоружным, у него за поясом торчала лишь плеть.

Корибут Ольгердович, сидя в кресле с подлокотниками, начал разговор с того, что и отцы Пересвета и Осляби были дружны друг с другом до недавнего времени. Однако стоило Пересвету и Ослябе разругаться, тотчас это довело до ссоры и их отцов.

– Из-за чего распалась дружба, казалось бы, проверенная временем? – с печальным вздохом обратился князь к своим гридням. – Ответьте же мне, молодцы. И сами же вслушайтесь в свой ответ.

Повисла недолгая пауза.

Затем первым ответил князю Пересвет:

– По-моему, случилось сие из-за сущей ерунды, из-за девицы. Чеслава предпочла меня Ослябе, вот он и разобиделся, как дите малое!..

– Нет, тут налицо предательство и подлость! – воскликнул Ослябя, улюлюкая Пересвета злым взглядом. – По уговору Чеслава должна была мне достаться. Уговор дороже денег, это все знают!

– Ну не люб ты Чеславе! – извиняющимся тоном произнес Пересвет, взглянув на Ослябю. – Чеслава меня любит! Пойми же наконец, что сердцу не прикажешь!

– Ты вскружил голову Чеславе, и не токмо ей одной! – сердито промолвил Ослябя, обращаясь к Пересвету. – Ты же ветрогон. Побалуешься с Чеславой и бросишь ее, как прежних своих подружек. А я люблю Чеславу больше жизни! Со временем и она полюбила бы меня...

– Я люблю Чеславу сильнее, поэтому она и согласилась пойти со мной под венец, – с неким вызовом проговорил Пересвет. – Девичье сердце не обманешь! Силой Чеславу никто не принуждал, Бог свидетель.

– Наплачется с тобой Чеслава, – процедил сквозь зубы Ослябя, искоса взглянув на Пересвета. – Она еще не раз вспомнит обо мне! Еще не раз пожалеет о содеянном!

– Со мной Чеслава будет, как у Христа за пазухой! – горделиво усмехнулся Пересвет. – Не будет она тебя вспоминать, приятель. Не надейся!

Целый час уговаривал Корибут Ольгердович двух бояричей не порывать давнюю дружбу, но здесь и сейчас примириться друг с другом. При этом князь ссылался на их отцов, которым такое положение вещей тоже было в тягость, приводил примеры нерушимой дружбы из славянских былин и ветхозаветного Писания. Все было напрасно. Не подал Ослябя руки Пересвету, хотя тот и согласен был пойти на примирение. «Вернешь мне Чеславу, тогда дружбе нашей быть, – стоял на своем Ослябя. – Не вернешь, значит, будешь мне недругом!»

Пересвет не пожелал отказаться от Чеславы. Мол, дружба дружбой, но и без любви никак не обойтись. Любовь – основа жизни!

Тогда Ослябя заявил, что уходит из княжеской дружины сегодня же, а со временем и из Брянска уедет. «Князей на Руси много, – сказал он, – удалые воины всюду нужны!»

Корибут Ольгердович повелел своему казначею отсыпать Ослябе серебра за две прошедшие январские седмицы. И сверх того князь подарил Ослябе за верную службу красный греческий плащ и добротное угорское седло. Обнимая на прощание Ослябя, Корибут Ольгердович заметил ему, что он всегда с радостью примет его обратно в свою дружину. «Коль не поживется тебе у другого князя, сразу возвращайся в Брянск. Долго не раздумывай!» – промолвил Корибут Ольгердович, глядя в глаза Ослябе.

Взирая в окно с высоты второго яруса терема и видя, как Ослябя уже в шубе и шапке быстрым шагом направляется к своему коню, привязанному к коновязи, Корибут Ольгердович досадливо бросил Пересвету, стоящему у него за спиной:

– Променял друга на глупую девицу, дурень!

Глава Вторая

Ольгерд и Кейстут

Из всех сыновей великого литовского князя Гедимина самым выдающимся, без сомнения, был Ольгерд. В облике и характере этого человека явственно усматривались воинственность и глубокий ум. При Ольгерде Литовское княжество увеличилось почти втрое, поглотив юго-западные земли Руси и вплотную подступив к владениям польских королей и Тевтонского ордена. Разгромив татар при Синих Водах, Ольгерд вынудил Орду считаться с собой. Не давал спуска Ольгерд и тевтонским рыцарям, мстя им за смерть своего отца и одного из старших братьев.

Власть в Литовском княжестве Ольгерд захватил в результате переворота, свергнув с трона своего брата Явнута. В этом деле Ольгерду оказал весьма действенную помощь другой его брат Кейстут. С той поры братья совместно управляли литовскими землями. Кейстут управлял Жемайтией и западными землями, граничившими с Тевтонским орденом, его столицей был замок Тракай. Под властью Ольгерда находились исконные литовские земли в верховьях Немана и Свенты, Полесье, Подвинье, Волянь и вся Приднепровская Русь. Стольным градом Ольгерда был Вильно.

В конце января в Вильно вступила дружина Корибута Ольгердовича. Вокруг города на заснеженных лугах и лесных полянах были разбиты становища стянутых сюда пеших и конных полков. Над лесами и окрестными хуторами поднимались дымы многочисленных костров. При свете дня эти дымы были особенно заметны с крепостных стен и башен Вильно. Дымовое сизое облако расплзалось над верхушками сосен к востоку от Вильно, такое же облако, разносимое ветром, явственно виднелось с южной стороны города, и на западе глаз без труда мог различить густые клочья дыма, поднимавшиеся к бледно-голубым небесам с рассвета до заката. Немалое войско собрал у стен своей столицы могучий князь Ольгерд.

Литовские вельможи шептались между собой, гадая, куда двинет полки их грозный повелитель: на запад или на восток? На немцев или на Москву?

В день, когда сбор войск был закончен, в самом большом зале Ольгердова терема состоялся пир. Угодил на это застолье и Пересвет, как приближенный Корибута Ольгердовича. У литовских вельмож было в обычае хвастаться друг перед другом не только конями, оружием и красивыми рабынями, но также и умелыми в ратном деле дружинниками. Кроме Пересвета, в свиту Корибута Ольгердовича вошли гридничий Ердень с сыном Кориатом, бояре Будивид, Всеслав и Ян Скиба. Отец Пересвета на это пиршество не попал, поскольку на то была воля Корибута Ольгердовича. У боярина Всеслава был зуб на Станимира Ивановича, поэтому посадить их вместе за один стол князь не решился.

Княжеский терем в Вильно был деревянный, двухъярусный, потемневший от времени и дождей. Пирующие сидели за длинными столами, установленными в два ряда с таким расчетом, чтобы в центре зала оставалось свободное пространство, где сновали расторопные слуги, выступали шуты и фокусники. В глубине обширного помещения, озаренного огнем факелов, на небольшом возвышении стоял еще один стол, развернутый к пирующим под прямым углом. За этим столом восседали на стульях с высокими резными спинками самодержцы Литвы: великий князь Ольгерд, его брат Кейстут, Ягайло, любимый сын Ольгерда, Потирг и Витовт, любимые сыновья Кейстута.

Пересвет, прежде много слышавший об Ольгерде и Кейстуте, до сего дня ни разу не видел их воочию. Теперь он с интересом приглядывался к этим двум знаменитым князьям, грозе крестоносцев и москвитян.

Ольгерду было семьдесят четыре года, Кейстут был на год моложе. Несмотря на столь преклонные года, оба князя выглядели весьма молодо. Их покойный отец Гедимин славился отменным здоровьем, он всю жизнь купался в ледяной воде и не знал, что такое хвори.

Ольгерд был могучего телосложения, большая серебряная чаша в его мощной длани смотрелась, как маленькая чарка. Длинные темно-русые волосы Ольгерда свешивались почти до самых плеч, его усы и борода имели густую проседь. Высокий лоб Ольгерда был прорезан несколькими глубокими морщинами, две морщины залегли у него на переносье и целая сеть мелких морщин притаилась в уголках его глаз, разбегаясь веером к вискам. Крупный прямой нос Ольгерда придавал благородства его чертам. Его светло-голубые, глубоко посаженные глаза сверкали, как холодные льдинки, из-под низких бровей. Голос у Ольгерда был громкий и властный, а смех его был просто оглушительный.

Кейстут был столь же кряжист и могуч, как и Ольгерд. В отличие от Ольгерда Кейстут редко улыбался. В его лице, особенно во взгляде внимательных серых глаз, было нечто такое, что невольно приводило людей в трепет. Среди литовской знати ходил слух о том, что Кейстут, водивший дружбу с жемайтскими волхвами, умеет читать людские мысли. Кейстут был воином до мозга костей, всю жизнь он сражался с тевтонскими рыцарями, поляками, татарами, русичами, неустанно помогая Ольгерду расширять пределы Литовского княжества. Кейстут был язычником, придерживаясь веры в древних литовских богов. Язычниками были и все сыновья Кейстута. Лишь дочери Кейстута приняли православие, выйдя замуж за русских князей.

Язычником был и Ольгерд. В двадцать четыре года по настоянию отца Ольгерд женился на Марии Ярославне, дочери витебского князя. Ольгерд не пожелал отречься от веры в языческих богов, но пошел на уступку своей жене-христианке, разрешив ей окрестить всех рожденных ею детей. Мария Ярославна родила Ольгерду пятерых сыновей и трех дочерей.

После смерти Марии Ярославны Ольгерд уже в пятьдесят четыре года женился вторично, на тверской княжне Ульяне Александровне, которая родила ему семерых сыновей и трех дочерей. Детей, рожденных второй супругой, Ольгерд не стал крестить, не желая, чтобы в его роду христиане взяли верх над приверженцами отеческих богов. Таким образом, сыновья Ольгерда от первого брака, получив уделы на русских землях, постоянно пребывали в некотором отдалении от своего отца. Ольгерд более благоволил к сыновьям от второго брака, в особенности к старшему из них Ягайле. Своих сыновей-язычников Ольгерд не отпускал далеко от себя, дав им владения неподалеку от Вильно.

Сыновья Ольгерда от Марии Ярославны были уже зрелыми мужчинами, имеющими жен и детей. Самому старшему из них Вигунду было сорок лет, а самому младшему Корибуту было чуть меньше тридцати. В то время как сыновья Ольгерда от Ульяны Александровны были еще очень юны и не имели жен. Ягайле еще только-только должно было исполниться двадцать лет, все прочие его родные братья и вовсе были юнцами.

То, что среди сыновей Ольгерда существует некая незримая иерархия, было заметно и на этом пиршестве. Крещеные сыновья Ольгерда сидели значительно дальше от главного стола, а ближе к нему расселись младшие дети от Ульяны Александровны. Ягайло и вовсе сидел рядом с отцом. Никто из крещеных сыновей Ольгерда даже не пытался выражать свое недовольство, зная крутой нрав отца. Мирился с таким положением и Корибут Ольгердович, сознавая, что в языческой Литве христиан не жалуют, ведь литовцы и жемайты испокон веку ведут беспощадную войну с поляками и крестоносцами, на знаменах у которых изображен крест.

Литовская знать понимала, что наследниками высшей княжеской власти станут, скорее всего, те из сыновей Ольгерда и Кейстута, кто придерживается язычества. По этой причине большинство литовских вельмож тоже были язычниками, стараясь держаться поближе к Ольгерду и Кейстуту, к их любимым сыновьям. Те же немногочисленные знатные литовцы, кто

принял крещение, находились на службе у крещеных сыновей Ольгерда вместе с русскими боярами тех городов, где правили Ольгердовичи.

Застолье в Ольгердовом тереме Пересвету не понравилось. Хотя русских бояр и дружинников на пиру было довольно много, литовцев здесь собралось все же гораздо больше, поэтому речь вокруг звучала в основном литовская. Застольные песни гремели тоже на литовском языке, как и здравицы в честь Ольгерда и Кейстута. От множества гостей в гриднице было душно. К тому же над столами витал едкий дымок от горящих факелов и от пламени очага, на котором слуги с засученными рукавами обжаривали на железном вертеле одну кабанью тушу за другой. Жареное мясо челядинцы тут же рассекали тесаками на большие куски, раскладывая их на тарелки и подносы. Услужливые руки слуг и служанок выставляли дымящееся жаркое перед гостями, подносили сосуды с греческим вином и славянским хмельным медом, одновременно унося со столов объедки.

На середине зала кривлялись и кувыркались скоморохи в цветастых нелепых штанах и рубахах, с колпаками на голове. Они дули в дудки и сопелки, пели скабрзные песенки, жонглировали ножами и яблоками. Скоморохи были явно русского племени, но и они исполняли свои припевки на литовском языке.

Наибольший хохот среди гостей вызывали проделки карлика, наряженного в смешной кафтан с длинными рукавами. Этот карлик был любимцем Ольгерда, поэтому он без опаски вытворял все, что хотел, стараясь в первую очередь рассмешить своего могущественного господина. Карлик носился прямо по столам, топая своими грубыми башмаками, наступая в чьи-то блюда с едой, опрокидывая чаши с вином и вазы с фруктами. Желтый колпак с длинным загнутым верхом на рыжеволосой большой голове карлика мелькал над головами пирующих то в одном конце зала, то в другом. У карлика был противный гнусавый голосок и совершенно жуткие манеры. Он то колотил деревянной ложкой гостей по голове, то поливал их вином, то пинком ноги выбивал у кого-нибудь из руки кубок или кусок пирога, а то и вовсе громко выпускал воздух, сунув свой зад под нос какому-нибудь жующему вельможе. Все эти грубые проделки карлика вызывали неимоверное веселье среди литовской знати. Ольгерд же просто покатывался от хохота.

Сначала Пересвет сдержался, когда рыжий карлик, пробегая по столу, наступил ему на руку. Но когда низкорослый шут, вновь проносясь мимо, огрел его по голове длинной ложкой, Пересвет замахнулся, чтобы дать сдачи наглецу. Гридничий Ердень и его сын Кориат вовремя перехватили руку Пересвета, силой усадив того обратно на скамью.

– Полегче, младень! – прошипел Ердень, крепко держа Пересвета за рубаху. – Не забывай, ты в гостях у Ольгерда! Лучше не гневи его!

– Этому карлику все позволено, ибо он – любимец Ольгерда! – прошептал Пересвету Кориат, вцепившись в него с другого боку. – Сиди и терпи!

– Не хочу я это терпеть! – сердито отозвался Пересвет. – И еда на этом застолье мне не по вкусу. Мясо подгорелое, пироги непропеченные, вино кислятина!

– Не нравится – ступай отсюда, – проворчал Ердень. – Тебя силком здесь никто не держит!

Этот разговор услышал Корибут Ольгердович, сидевший неподалеку от Пересвета. Он что-то шепнул на ухо гридничему, тот взмахом руки позвал к себе молодую служанку в длинном льняном платье, с русыми волосами, заплетенными в две косы.

– Голубушка, проводи-ка этого гридня куда-нибудь в тихое место, – сказал Ердень, кивнув при этом на Пересвета. – От вина и от духоты у него что-то голова закружилась. Отлежаться ему надо бы.

Служанка понимающе кивнула и молча поманила Пересвета за собой.

– Ступай за ней! – приказал гридничий Пересвету. – И больше тут не появляйся, приятель. Мы сами тебя разыщем после пира.

Пересвет досадливо швырнул на стол тряпку, которой он вытирал жир с пальцев, встал и направился следом за служанкой. Та удалялась к одному из боковых выходов из гридницы, неся в руках пустые кувшины из-под вина.

* * *

Княжеский терем Ольгерда своим внешним и внутренним видом напоминал старинное литовское жилище – нумас. Отличие было лишь в том, что терем Ольгерда имел два этажа. В центре любого литовского жилища обычно располагался большой очаг, схожий с камином и имеющий дымоход. Помещение с очагом было самым просторным в доме. В тереме Ольгерда это была гридница. С двух сторон к гриднице примыкали кладовые и жилые помещения; с южной стороны находились комнаты для господ, с северной – для слуг. На втором ярусе были расположены помещения для князя, его семьи и наиболее важных гостей. С двух сторон на высоте второго этажа шли крытые галереи, куда можно было попасть через специальные двери, ведущие из комнат второго яруса, или по деревянным лестницам, пристроенным к одной из торцевых стен терема, где не было крыльца и главного входа.

Княжеские хоромы Ольгерда произвели на Пересвета не самое лучшее впечатление. Окон в тереме было немного, и те были настолько малы, что почти не пропускали солнечный свет, так как были затянуты бычьим пузырем. Во внутренних переходах терема было так темно, что передвигаться там без масляной лампы или факела можно было только на ощупь.

Оставив пустые кувшины у входа в одну из кладовых, служанка двинулась по коридору к лестнице, ведущей на второй ярус. В руке у нее был масляный светильник, взятый ею с подставки, прибитой к стене. Служанка то и дело оглядывалась на Пересвета, негромким голосом предупреждая его о низких потолочных балках и крутых ступенях лестницы под ногами.

Ведомый служанкой Пересвет очутился на втором этаже терема, где было заметно прохладнее. Здесь тоже было очень темно, хотя запахи тут витали совсем не те, что внизу. Вместо запахов жаркого, вин, различных копчений и дыма очага чуткий нос Пересвета уловил ароматы тонких благовоний, какие привозят на Русь греческие и арабские купцы.

«Похоже, где-то здесь находятся покои женской родни Ольгерда», – промелькнуло в голове у Пересвета.

Он почувствовал, как рука служанки с силой потянула его за рукав.

– Иди же, чего встал! – недовольно прошептала она, сдвинув Пересвета с места.

Скрипнула узкая дверь. Служанка втащила Пересвета в небольшую горенку с низким потолком и квадратным слюдяным окошком. Она поставила светильник на стол и облегченно перевела дух.

– Ну вот, пришли! – Служанка с улыбкой взглянула на Пересвета. – Вот постель. Ложись и отдыхай. – Девица указала рукой на тщательно застеленную кровать у бревенчатой стены. – Здесь тебе никто не помешает, боярич.

– Чья это постель? – спросил Пересвет, оглядывая нехитрую обстановку тесного помещения.

– Моя, – ответила служанка.

– Оно и видно, – усмехнулся Пересвет.

Постель была явно коротковата для него, зато для служанки эта кровать была как раз впору.

– Уж извини, молодец, что я ростом не вышла, – в тон Пересвету обронила ретивая служанка. – Жаворонок тоже птичка-невеличка, зато быстрее всех хищных птиц летает.

– Как зовут тебя? – Пересвет уселся на скамью, с интересом оглядев служанку с ног до головы. – Откуда ты родом?

– Маленой меня кличут, – сказала служанка, тоже с нескрываемым любопытством рассматривая Пересвета. Отступив на шаг, она присела на край кровати. – Родом я из-под Минска. Вымерло наше село после морового поветрия. Я какое-то время по чужим селам мыкалась вместе с младшим братом. Потом мы с ним осели в Гродно на подворье у одного купца. Брат мой плотничал и телеги чинил, а я холсты валяла да лен сучила. Приглянулся мне в Гродно один литовец из княжеской дружины. Он был крещеный, поэтому я и вышла за него замуж. Токмо недолгим оказалось мое счастье, пал мой супруг в сече с немецкими рыцарями. – Малена тяжело вздохнула. – От расстройства немочь меня одолела, а я в ту пору непраздная ходила уже шестой месяц. В общем, разродилась я до срока мертвым младенчиком. Схоронив мужа и сына, я не вернулась к купцу, хоть он и звал меня. Одна знакомая литовка, тоже вдова, сговорила меня перебраться в Вильно. Сначала мы с ней были в услужении у знатного литовского вельможи по имени Скирмунт. Затем мне посчастливилось попасть на глаза супруге Ольгердовой, и она взяла меня к себе, а подруга моя до сих пор живет на подворье у Скирмунта.

– Нелегкая у тебя судьба, Малена, – с сочувствием в голосе произнес Пересвет. – Хорошо ли живется тебе под крылом у князя Ольгерда?

– Я не жалуюсь, всегда сыта, одета, обута... Чего еще надо? – Малена улыбнулась и слегка передернула плечами. – Ну, я пойду. У меня ведь сегодня уйма работы. – Она встала, но было видно, что ей совсем не хочется уходить.

Подойдя к выходу и уже взявшись за дверную ручку, Малена обернулась и спросила:

– А тебя как зовут, младень?

– Пересветом нарекли, – не замедлил с ответом юноша, стряхивая с рубахи хлебные крошки.

– И правильно нарекли, – с улыбкой заметила Малена, – волосы у тебя светлые, как гагачий пух. Светильник я тут оставляю. Ложись и почивай.

– Как же ты пойдешь обратно в полной темноте? – забеспокоился Пересвет.

– Пустяки! – Малена толкнула дверь плечом. – В этом тереме я и с завязанными глазами не заблужусь.

Малена юркнула в темный коридор, ее легкие шаги быстро затихли в глубине обширных бревенчатых хором.

Пересвет прислушался. Снизу сквозь толщу дубовых балок и перекрытий смутно долетало зычное пьяное пение литовских вельмож, громкий хохот и сиплое гудение скоморошских дудок. Пиршество было в самом разгаре.

Сняв сапоги, Пересвет улегся на кровать поверх шерстяного одеяла. Он закрыл глаза, собираясь вызвать в своей памяти прелестный образ боярышни Чеславы. Однако перед мысленным взором Пересвета возникла Малена. Литовское платье с красными узорами на рукавах и длинный передник были ей очень к лицу. Ожерелье из янтаря на шее и алая лента вокруг головы тоже добавляли служанке очарования. Пересвет сразу обратил внимание на крепкие бедра Малены, на ее гибкую талию, небольшие стройные плечи и выпуклую грудь. Теперь он мысленно как бы смаковал все оттенки приятного впечатления, произведенного на него внешним обликом Малены и даже звуком ее голоса. Пересвет не мог не почувствовать, что он сам тоже приглянулся Малене. Она даже не пыталась это скрывать!

«Малена, конечно, старше Чеславы, – мысленно рассуждал Пересвет, лежа на кровати. – Она, пожалуй, и меня будет постарше. Как говорится, девица в самом соку! Малена мила и не жеманна, с приветливой улыбкой, хороша лицом и телом! Наверняка и в постели огонь!»

Пересвет ощутил в себе прилив сильнейшего вожделения к Малене, его просто разрывало изнутри от нестерпимого желания вновь увидеть ее. И не просто увидеть, но крепко обнять и прижать к себе. «И зачем я отпустил Малену, ведь ей же явно не хотелось уходить отсюда!» – досадовал на себя Пересвет.

Внезапно та, о ком он сейчас думал, вновь предстала перед ним.

– Не спишь еще, младень? – с кокетливой улыбкой спросила Малена, уперев одну руку в бок, а в другой держа зажженный светильник.

– Я и не думал спать, красotka, – задорно промолвил Пересвет, усевшись на постели. – Все мои мысли были о тебе, между прочим.

– Надеюсь, пристойные мысли? – чуть посерьезнев, проговорила Малена. – Я ведь девушка пристойная, без ветра в голове.

Пересвет встал с кровати и мягко положил свои ладони служанке на плечи, глядя ей в глаза. Он решил действовать без промедления. Если Малена вернулась так скоро, то это неспроста, промелькнуло в мыслях у Пересвета.

– Надевай сапоги, младень, – тихо сказала Малена. – Сейчас я покажу тебе покои князя Ольгерда.

– Зачем? – слегка опешил Пересвет. – По-моему, нам с тобой и в этой горенке неплохо, а?

– Мне велено прибраться в покоях Ольгерда, – пояснила Малена. – Там должен состояться какой-то тайный совет через час-другой. Идем!

Служанка шагнула к двери.

– Ольгерд вряд ли обрадуется, ежели застукает меня в своих покоях, – обронил Пересвет, надевая сапоги. – Не нравится мне эта затея!

– Не робей, молодец, – чуть свысока бросила Малена. – Со мной не пропадешь!

Малена привела Пересвета в довольно просторную комнату, посреди которой стояли две толстые дубовые колонны с грубо высеченными на них узорами. Эти колонны подпирали мощную потолочную балку. Вдоль бревенчатых стен стояли широкие скамьи, между колоннами стоял стол на массивных ножках. В глубине комнаты стоял большой сундук, обитый медными полосами. Часть комнаты была отгорожена длинной занавесью из серой плотной ткани. Три небольших окна в южной стене были забраны тонкими слюдяными пластинами, похожими на ячейки пчелиных сот. Пол комнаты был застелен медвежьими и волчьими шкурами. На северной стене висели щиты, мечи и боевые топоры.

Достав из-под одной из скамей деревянное ведро с водой, Малена принялась быстро и проворно всюду вытирать пыль мокрой тряпкой, то и дело окуная ее в воду.

Пересвет, по просьбе Малены, зажег три масляных светильника, один из которых стоял на столе, а два других стояли на подставках, прибитых к колоннам. Он расхаживал по комнате, разглядывая ее убранство. Масляная лампа, с которой Малена пришла на второй этаж терема, была у него в руке. Пересветом овладело легкое разочарование: в этом покое князя Ольгерда не было ни золота, ни золототканых материй, ни камней-самоцветов. Отцовский терем в Брянске показался Пересвету просторнее и богаче, нежели хоромы великого князя Ольгерда!

– Что-то не шибко богато живет князь Ольгерд, – вслух выразил свое разочарование Пересвет. – А ведь он взимает дань не токмо с Литвы и Жемайтии, но и с Волыни, Полесья, Киевщины, Подолии и прочих славянских земель.

Малена ответила Пересвету, торопливо протирая скамьи и подоконники:

– Князь Ольгерд не всякую свою мысль вслух выскажет, тем паче не станет он богатства свои напоказ выставлять. Не тщеславный он человек, как я успела заметить.

– Нравится тебе князь Ольгерд? – Пересвет с грубоватым пылом обхватил Малену, подойдя к ней сзади.

– Достойный муж, одно слово, – ответила Малена, распрямившись и не пытаясь сопротивляться, хотя смелые руки Пересвета залезли к ней под платье.

– А я тебе нравлюсь? – жарким шепотом произнес Пересвет на ухо служанке.

– Ты мне нравишься пуще Ольгерда! – Малена повернулась к Пересвету лицом и обвила его шею руками.

Гридень и служанка слились в долгом страстном поцелуе.

Едва переведя дух после жадных лобзаний, Малена утянула Пересвета за холщовую занавеску. Там оказалось узкое длинное ложе. Снедаемые обоюдным нестерпимым желанием соития, Малена и Пересвет живо избавились от одежд. Возбравшись на ложе, они с неистовым рвением окунулись в омут сладострастия. Пересвет, уже имевший в прошлом немало любовных побед и скандальных приключений, обладая Маленой, испытал какое-то совершенно особенное наслаждение. Его очаровала не только нагота Малены, но и ее умение дарить интимные ласки.

Вспотевшие и разругавшиеся, Пересвет и Малена едва успели одеться, как за дверью раздались чьи-то уверенные приближающиеся шаги.

– Сиди здесь! – тихим повелительным тоном бросила Пересвету Малена. – В случае чего спрячешься в этом сундуке. – Служанка кивнула на большой сундук, стоявший рядом с ложем. – Обо мне не беспокойся!

Малена выскочила из закутка, завешанного плотной портьерой.

В следующий миг дверь заскрипела и в помещение ввалились три человека. Их громкие голоса привели Пересвета в трепет. Он сразу узнал властный бас Ольгерда и чуть хриплый голос его брата Кейстута. Голос третьего из вошедших поначалу показался Пересвету совершенно незнакомым. Все трое разговаривали по-русски.

Ольгерд с пьяным смехом хлопнул Малену пониже спины, велел ей заканчивать с уборкой и принести им сюда хмельного меду и закуски.

Малена безропотно повиновалась, тут же исчезнув за дверью.

Пересвет в отчаянии осенил себя крестным знаменем, мысленно прося Бога выручить его из этой нелепой западни. На всякий случай он решил сразу же воспользоваться советом Малены и со всеми предосторожностями, стараясь не скрипнуть крышкой, забрался внутрь сундука. Предварительно Пересвет вынул из сундука постельное белье и мягкие скатки войлока, запихав все это под ложе.

Сидя в сундуке, Пересвет, терзаемый любопытством, то и дело слегка привставал, приоткрывая головой крышку сундука, дабы отчетливее слышать беседу трех князей, сидевших за столом всего в нескольких шагах от него. Пересвет очень скоро опознал по голосу собеседника Ольгерда и Кейстута. Это был князь Василий Иоаннович из рода смоленских Мономашичей. Нынешний смоленский князь Святослав Иоаннович доводился родным братом Василию Иоанновичу. Святослав Иоаннович был настроен довольно враждебно к литовским князьям, несмотря на то что его дочь Анна была замужем за Витовтом, сыном Кейстута. Поглотив земли бывшего Полоцкого и Турово-Пинского княжеств, Литва вплотную приблизилась к владениям смоленских князей. Еще при отце Святослава Иоанновича Смоленское княжество утратило города Торопец и Оршу после литовских вторжений. Ныне между Литвой и Смоленским княжеством был мир. Однако миролюбие Ольгерда и Кейстута объяснялось тем, что им приходилось постоянно воевать на западе с тевтонскими рыцарями, на юге с татарами, на востоке с Москвой, поэтому до Смоленска с некоторых пор у них просто не доходили руки.

Ольгерд и Кейстут уговаривали подвыпившего Василия Иоанновича ни много ни мало заманить старшего брата в ловушку и убить.

– Убьешь Святослава и сядешь князем в Смоленске! – молвил Ольгерд, обращаясь к Василию Иоанновичу. – Ведь ты же, друг мой, не живешь, а мыкаешься, честное слово! Святослав помыкает тобой как хочет, кичась своим старшинством. Святослав дал тебе во владение захудалый городишко Рославль, сынам же своим он выделил уделы побогаче. Разве это справедливо? Разве так поступают с родными братьями?

– Ежели дружинники твои не посмеют пролить кровь Святослава, то мы дадим тебе серебра, на которое ты, князь, сможешь нанять таких злодеев, коим все едино, кого резать или душить, – вторил Ольгерду Кейстут, подбивая Василия Иоанновича на подлое дело. – Коль станешь смоленским князем, дружище, то, так и быть, отдам тебе в жены одну из своих дочерей.

То ли Василий Иоаннович сам давно облизывался на смоленский стол, то ли ему очень хотелось породниться со знаменитым Кейстутом – уговоры литовских князей упали на благодатную почву. В речи Василия Иоанновича звучали угрозы в адрес старшего брата и его сыновей. Василий Иоаннович в хмельном угаре был готов расправиться и со своим средним братом Михаилом Иоанновичем, княжившим в Вязьме. Василий Иоаннович стал настаивать на том, чтобы Ольгерд и Кейстут дали ему не только денег, но и оружие. Мол, убить Святослава Иоанновича – это будет полдела, надо будет еще победить в сече Святославовых сыновей, Георгия и Глеба. А для этого Василию Иоанновичу придется усилить свою дружину.

Ольгерд заверил Василия Иоанновича, что он получит и деньги, и оружие, и коней...

– Ты нам друг, Василий, – сказал Кейстут, подтверждая слова брата, – а мы за друзей стоим горой. Мы поможем тебе собрать сильную дружину, у нас ратных людей много!

«Правду, стало быть, говорят люди про Ольгерда, коль не может он мечом одолеть противника, так пускает в ход подлость и коварство, – подумал Пересвет, скорчившись в душном темном чреве сундука. – И брат его Кейстут из такого же теста!»

Глава третья

Немецкие послы

На другой день в Вильно прибыли послы от Тевтонского ордена. Послов было двое. Это были барон Дитлеф фон Хазе и барон Людвиг фон Оберхаузер. Оба свободно говорили на литовском и русском языках.

Для встречи немецких послов Ольгерд и Кейстут собрали в тронном зале всех своих сыновей, воевод и союзных русских князей. Ольгерд и Кейстут расположились в глубине зала на небольшом возвышении; первый восседал на троне из мореного дуба с подлокотниками, второй сидел рядом на стуле с высокой спинкой. Ольгерд был облачен в длинный темно-вишневый кафтан без воротника, на голове у него была золотая диадема, плечи были укрыты пурпурным плащом. На поясе у Ольгерда висел кинжал, в правой руке он держал золотой жезл, символ власти. Кейстут был одет в жемайтйскую одежду, на нем была туникообразная льняная рубаха с красными наплечниками и такого же цвета узорами на вороте и рукавах, белые льняные штаны, заправленные в красные яловые сапоги. Голову Кейстута венчала золотая зубчатая корона, к узкому поясу у него был прикреплен нож с костяной рукоятью в позолоченных ножнах. В руках у Кейстута была подкова, которую он то разгибал, то сгибал, то скручивал ее чуть ли не в узел, демонстрируя чудовищную силу своих рук.

Послы, стоявшие перед возвышением, внимая речи Ольгерда, с нескрываемым изумлением взирали на то, что вытворяет с подковой Кейстут. При этом на лице у Кейстута не было заметно ни тени напряжения, словно он мял в своих руках кусок воска.

– Я уже требовал у властей Тевтонского ордена выдать мне моего племянника Монвида, негодя и предателя, – грозным тоном молвил послам Ольгерд. – Ныне я настаиваю на своем требовании третий раз. Монвид причинил мне много зла, он дважды покушался на мою жизнь. Ежели магистр Тевтонского ордена и его советники не выполняют моего требования, то я начну войну с тевтонскими рыцарями. Даю магистру десять дней на раздумье.

– Твое требование несправедливо, князь, – возразил барон Дитлеф фон Хазе. – У литовцев и жемайтов кровная месть считается священной. Твой племянник Монвид мстит тебе за смерть своего отца, которого ты лишил верховной власти в Литве и обрек на скитания. Монвид утверждает, что его отец Явнут умер от яда, подсыпанного ему твоим человеком, князь. Таким образом, Монвид поступает по обычаю своего народа, мстя тебе, князь.

– К тому же Монвид прошел обряд крещения, поэтому он не просто нашел прибежище у нас, но стал нам братом по вере Христовой, – вставил Людвиг фон Оберхаузер. – Орден не выдает собратьев-христиан на расправу язычникам.

Видя, что седые брови Ольгерда гневно сомкнулись на переносье, барон Дитлеф поспешил добавить:

– Мы донесем сказанное тобой, князь, до ушей великого магистра. Мы передадим ему твое требование слово в слово.

– Но нам хотелось бы также поговорить об обмене пленными, – сказал второй посол, переглянувшись с бароном Дитлефом. – Собственно, ради этого мы и приехали в Вильно. Неплохо было бы обсудить и это, князь.

Тевтонский орден из года в год предпринимал попытки продвинуться в глубь Жемайтии. Желая закрепиться на землях в междуречье Юры и Дубиссы, крестоносцы прорубали в лесах просеки и возводили крепости близ речных переправ и возле главных дорог. Литовцы и жемайты раз за разом изгоняли тевтонских рыцарей из своих владений, предавая огню их деревянные, наспех возведенные крепости. Однако на реке Митве, притоке Немана, крестоносцы сумели в короткий срок выстроить каменную крепость Митаву. Отсюда немцы и совершали свои вторжения в Жемайтию, сюда они и отступали в случае своих неудач, чтобы перегрупп-

пировать свои силы. Митава несколько лет была крайне неприятной занозой для литовских князей. Ольгерду с большим трудом удалось взять штурмом эту немецкую крепость и разрушить ее до основания. Это произошло в прошлом году. В той войне крестоносцы не только лишились своей очень важной крепости на реке Митве, но и потеряли много воинов убитыми и пленными.

Поскольку Тевтонский орден испытывал постоянную нехватку в людях, власти ордена, как правило, предпринимали любые усилия, чтобы вызволить из неволи своих собратьев по оружию и вере. Если у крестоносцев имелись пленные литовцы, то их обменивали на пленных христиан, томившихся в неволе у Ольгерда и Кейстута. Если пленных язычников у немцев не было, тогда власти ордена выкупали своих людей из плена за золото и серебро. Такая практика существовала с той поры, как тевтонские рыцари обосновались на землях пруссов и на берегах Немана.

На этот раз крестоносцам вновь предстояло раскошелиться, чтобы вызволить своих людей из литовского плена. Разбитые в прошлом году Ольгердом крестоносцы с трудом унесли ноги от реки Митвы, им не удалось пленить ни одного литовца. Торгуясь с немецкими послами, Ольгерд потребовал взамен за пленных крестоносцев кроме денег выдать ему также некоторых литовских перебежчиков. И в первую очередь – Монвида.

Немецкие послы не имели полномочий, чтобы сразу дать ответ на требования Ольгерда, поэтому они в тот же день отправились в обратный путь. Над условиями Ольгерда предстояло подумать великому магистру и его советникам, находившимся в Мариенбурге, этой неприступной твердыне тевтонских рыцарей.

Глава четвертая

Ягайло

Теперь уже ни у кого из литовских воевод и русских князей не оставалось сомнений в том, что Ольгерд собирается воевать не с кем-нибудь, а с крестоносцами. И эти переговоры с послами ордена относительно выкупа пленных были обычной уловкой хитрого Ольгерда, который часто за своим миролюбием скрывал подготовку к очередному военному походу. Вот только к какой из немецких крепостей намеревается двинуть свою рать грозный Ольгерд? Об этом даже в ближайшем окружении Ольгерда никто ничего не знал, хотя слухи ходили самые разные. Кто-то из знатных литовцев полагал, что после изгнания крестоносцев с реки Митвы Ольгерду целесообразнее всего было бы продолжить натиск именно на этом направлении, то есть взять в осаду немецкие крепости Георгенбург и Байербург, расположенные близ устья Митвы, впадавшей в Неман. Жемайтийские военачальники из свиты Кейстута поговаривали, что их князь подбивает Ольгерда обрушиться на немецкую крепость Шалауенбург, что в низовьях Немана. В эту крепость-порт по реке Неман со стороны моря каждое лето приходят суда из Европы с грузом оружия и отрядами новых крестоносцев. Кейстут пытался как-то взять Шалауенбург приступом, но ему не хватило сил для этого.

Между пирами и застольями, происходившими ежедневно, Ольгерд и Кейстут постоянно собирали на совещания своих советников и воевод. Причем эти военные советы неизменно собирались в узком составе. Ольгерд выслушивал трех-четырех военачальников, стараясь вызнать их мнение относительно грядущей войны с крестоносцами, затем отпускал их. После чего Ольгерд приглашал на совет других вельмож и опять расспрашивал их о том, как и где удобнее всего было бы совершить вторжение во владения Тевтонского ордена. При этом Ольгерд ни с кем не делился своими замыслами, поскольку от природы он был крайне скрытный человек.

На одном из таких совещаний произошла ссора между сыновьями Ольгерда. Это было никому не в диковинку, поскольку старшие сыновья Ольгерда от ныне покойной витебской княжны Марии Ярославны жили крайне недружно с младшими сыновьями Ольгерда от его нынешней жены тверской княжны Ульяны Александровны. Вражда между сводными братьями Ольгердовичами лишь обострилась с той поры, как Ольгерд приблизил к себе Ягайлу, не скрывая того, что он прочит своего первенца от тверской княжны в наследники литовского трона. До этого Ольгерд собирался сделать своим преемником на троне Вигунда, своего первенца от Марии Ярославны. Вигунд разочаровал Ольгерда тем, что рано вышел из-под отцовской опеки, принял православную веру, и вообще он слишком часто оспаривает отцовское мнение. Многие среди литовской знати симпатизировали Вигунду, который обладал цепким умом и полководческими способностями. Утвердившись князем в Полоцке, Вигунд умело сдерживал натиск ливонских рыцарей на северные окраины Литовского княжества. Со своими восточными соседями Смоленском и Новгородом Вигунд старался не воевать, наоборот, он втягивал смоленских князей и новгородцев, как своих союзников, в распри с Ливонским орденом.

По мнению многих литовских вельмож, Вигунд более других сыновей Ольгерда годится в наследники трона. В свои сорок лет Вигунд уже имеет немалый военный и управленческий опыт, являясь надежной опорой для Ольгерда. А то, что Вигунд порой упрям и своеволен, так и сам Ольгерд был таким же в его годы!

Ягайле было всего двадцать лет. Это был бледный стройный юноша не очень крепкого здоровья, не обладающий даже мало-мальскими военными дарованиями, зато имеющий, как и его отец, поразительные способности к освоению различных иностранных языков. Ольгерд мог свободно разговаривать на шести языках. При этом Ольгерд не умел ни читать, ни писать, как и его брат Кейстут. Ягайло же уже к шестнадцати годам овладел латынью и русской грамотой,

благодаря ученым монахам, прибывшим в Литву из Твери в свите его матери Ульяны Александровны. Получился забавный парадокс: язычник Ягайло был неплохо образован для своего времени, а принявший православие Вигунд мог с трудом написать на бумаге собственное имя. Впрочем, в тогдашней Литве почти вся знать была неграмотна. Литовцы и жемайты не имели собственной письменности, а вводить у себя в стране латинский алфавит или кириллицу гордые подданные Ольгерда и Кейстута считали ниже своего достоинства.

Грамотными были и младшие родные братья Ягайлы, среди которых только Лингвен допускался на военные советы и пиршества знати, так как он был моложе Ягайлы всего на один год. Остальные пятеро отпрысков Ольгерда от тверской княжны еще не достигли совершеннолетия. Они жили вместе с матерью в Витебске.

В склоке на военном совете участвовали, с одной стороны, Ягайло и Лингвен, а с другой – их возмужалые сводные братья Вигунд и Корибут. Взаимная неприязнь между Вигундом и Ягайлой постоянно доводила их до яростных перепалок. Эти двое ненавидели друг друга, несмотря на родственную кровь, текущую у них в жилах. Вигунд считал Ягайлу полным ничтожеством уже только потому, что тот не мог без посторонней помощи сесть в седло, не умел мастерски владеть мечом и тем более не умел командовать в сече даже сотней воинов. «Читать книжонки и писать латинские каракули на бумаге может всякий жалкий монах, пользы от этого мало, – частенько говорил Вигунд, – а вот научиться водить в сражение конные и пешие полки, побеждать и обращать в бегство крестоносцев – этому сможет научиться далеко не всякий!»

Ягайло за глаза называл Вигунда мужланом за его безграмотность и косноязычие. К тому же Вигунд был широкоплеч, но коротконог и имел привычку ходить по-мужицки вразвалку. Вигунд был вспыльчив и в ярости сразу же хватался за кинжал. Хотя Вигунд вполне мог убить человека и голыми руками, ибо обладал большой физической силой. По этой причине Ягайло побаивался Вигунда и никогда не осмеливался спорить с ним, если при этом не присутствовал князь Ольгерд.

Вот и на военном совете Ягайло позволил себе понасмехаться над Вигундом, который, не зная немецкого языка, не мог прочесть названия городов, сел и крепостей на карте крестоносцев, захваченной Ольгердом в крепости Митаве. Рассерженный Вигунд хотел было ударить Ягайлу своим могучим кулаком, но Ольгерд вовремя вмешался и не позволил ему это сделать. Осмелевший Ягайло бросил Вигунду, мол, тот не только безграмотен, но еще и ведет себя по-мужицки, находясь в собрании знатных людей. Лингвен, всегда и во всем смотревший в рот Ягайле, стал смеяться над Вигундом.

Тогда Вигунд встал из-за стола и удалился с совета, хлопнув дверью. Вслед за ним ушел с совета и Корибут Ольгердович.

Эта склока вскоре стала известна всему войску, так как Вигунд едва не отдал приказ своей дружине возвращаться обратно в Полоцк. Лишь после уговоров родных братьев Федора, Константина и Корибута Вигунд оставил свое знамя среди стягов объединенного литовского войска. Но с этого дня Вигунд демонстративно не появлялся ни на застольях, ни на военных советах, если там же находился Ягайло.

* * *

Корибут Ольгердович со своей ближайшей свитой встал на постой в доме виленской родни боярина Ердены. В соседнем доме расположился Вигунд Ольгердович со своими старшими дружинниками. Однажды вечером Корибут Ольгердович засиделся в гостях у Вигунда. Присутствовал при этом разговоре двух братьев Ольгердовичей и Пересвет как телохранитель Корибута.

Неожиданно в самый разгар беседы пришел еще один гость, и не кто-нибудь, а сам Ягайло.

Едва переступив порог светлицы, Ягайло насмешливо произнес:

– Ну что, братья, обсуждаете, как бы половчее сжить меня со света, а?

Вигунд и Корибут, сидящие за столом с яствами, невольно смутились и переглянулись. Они и впрямь только что говорили о том, каким способом лучше всего прикончить Ягайлу, не проливая его крови и не привлекая к себе подозрений. Вигунд предлагал пустить в дело яд, а Корибут склонялся к умело подстроенному несчастному случаю.

– О чем ты, брат? – изобразил удивление Корибут. – Как ты мог подумать такое?!

– Присаживайся к нам, коль пришел, – проворчал Вигунд, недружелюбно взирая на Ягайлу. – Ты же, чай, не просто так сюда заявился, но по какому-то делу.

Ягайло сбросил с себя соболю шубу и шапку с меховой опушкой. Его сопровождали два телохранителя, которые уселись на скамью у входа, не снимая с себя шапок и теплых плащей, под которыми поблескивали железные кольчуги и угадывались очертания висящих на поясе мечей.

– Отец наш пожелал, чтобы я замирился с тобой, брат, – сказал Ягайло, садясь к столу и взглянув в глаза Вигунду. – Поэтому я и пришел сюда.

– А по своей воле ты не пришел бы? – криво усмехнулся Вигунд.

– Конечно, не пришел бы, – без колебаний подтвердил Ягайло. – Нам же не о чем с тобой толковать, брат.

– Отчего же? – Вигунд налил в чашу хмельного меда для Ягайлы. – Нам с тобой есть о чем потолковать, братец. Хотя бы о том, что ты рано начал задирать нос. Литовская знать проявляет к тебе почтение, ибо ты постоянно трешься возле нашего отца. Но ведь наш отец не вечен...

Вигунд поднял свою чашу с хмельным медом, многозначительно подмигнув Ягайле.

Видя, что Вигунд и Корибут взялись за свои чеканные кубки с хмельным питьем, Ягайло жестом подозвал к себе Пересвета, который сидел на стуле у стены, увешанной оружием. Едва Пересвет приблизился, Ягайло подал ему свою чашу, велев сделать глоток из нее.

Пересвет с недоумением посмотрел на Ягайлу, потом на Корибута.

– Ты что, не понимаешь по-литовски? – сказал Ягайло, взглянув на Пересвета. Он повторил свою просьбу на русском языке.

– Пей, друже, – обратился к Пересвету Корибут. – Уважь нашего недоверчивого гостя.

Пересвет отпил из чаши, после чего поставил ее на стол. Вернувшись на свое прежнее место, Пересвет с каким-то неприязненным любопытством стал разглядывать Ягайлу, который в отличие от своих сводных братьев хмельной мед пил по чуть-чуть, а к яствам на столе и вовсе не притрагивался.

Пересвет впервые увидел Ягайлу так близко от себя.

Лицо Ягайлы не блистало красотой, оно даже не выделялось правильностью черт. Глубоко посаженные серо-голубые глаза Ягайлы взирали на собеседников с легким прищуром, как будто яркое пламя светильников мешало ему. Нос у Ягайлы был не прямой, а выгнутый, напоминая утиный клюв. Когда его бледные тонкие губы растягивались в улыбке, то в уголках рта и на щеках у него собирались глубокие изогнутые складки, как у старика. Ягайло не носил ни усов, ни бороды. У него были длинные, слегка выющиеся, темно-русые волосы, но и эта густая шевелюра почти до плеч не могла скрыть большие оттопыренные уши Ягайлы. За это недоброжелатели Ягайлы за глаза называли его Ушастиком.

Вигунд продолжал стращать Ягайлу тем, что он своими руками свернет ему шею, едва их отец отправится в страну теней. Корибут, поддакивая Вигунду, добавлял, что знатные литовцы, язычники и христиане, скорее провозгласят князем Литвы Вигунда, нежели Ягайлу.

– Ты же не умеешь ни сражаться, ни верховодить войском, братец, – молвил Корибут Ягайле. – Ты же ни на что не годен, кроме как листать книги и выдавать прочитанное в них за свои мысли. Тебе не по плечу управлять Литовским княжеством.

– Это решать нашему отцу, но не вам, братья, – спокойно возразил Ягайло, пригубив из чаши хмельного меда. – В мои годы и Вигунд не мог похвалиться ни военным опытом, ни смекалкой в государственных делах. А опыт дело наживное, братья.

– Я в твои годы с мечом не расставался, а на коне сидел как влитой! – воскликнул Вигунд, раздраженно пристукнув кулаком по столу. Он швырял свои гневные слова прямо в лицо невозмутимому Ягайле. – В твои годы, братец, я уже изведаль, что такое кровь и опасность, часто видел смерть и убивал сам. Ты думаешь, править княжеством можно, сидя на троне. Как бы не так! Литву со всех сторон окружают враги, поэтому властвовать над нашими землями можно и должно, только сидя на боевом коне. Вот так-то, братец.

– Не буду спорить с тобой, брат, – промолвил Ягайло. – Когда я стану литовским князем, то ты будешь моей правой рукой. Твой военный опыт мне весьма пригодится в противостоянии с Москвой, Ордой и Тевтонским орденом.

– Извини, братец, но тебе не бывать литовским князем. – Вигунд с небрежной усмешкой похлопал Ягайлу по плечу. – Скорее трон Литвы унаследует Витовт, сын Кейстута, нежели такой неженка, как ты. И можешь не талдычить мне про завещание нашего отца. Всякое завещание можно исправить или дописать...

– Либо потерять и не найти, – вставил Корибут, переглянувшись с Вигундом.

– Вот именно! – рассмеялся Вигунд. – Литовское боярство не шибко грамотно и не станет вчитываться в закорючки на бумаге. А посему княжескую власть после смерти нашего отца возьмет самый сильный из его сыновей.

– То есть ты, брат. Так? – Ягайло холодно посмотрел в глаза Вигунду.

– Верно, братец, – кивнул Вигунд. – Причем хочу заметить тебе, что литовская знать сама вручит мне эту власть. Виленские бояре знают, что я крепко держу меч в руке, а это главная порука для управления государством!

– Что же ты сделаешь со мной, брат, когда сядешь на трон Литвы? – спросил Ягайло, по-прежнему не спуская с Вигунда холодного взгляда. – Убьешь или заточишь в подземелье?

– Нет, братец, – широко улыбаясь, ответил Вигунд, – я поступлю с тобой по-христиански.

– Спроводишь меня в монастырь? – Ягайло усмехнулся краем рта.

– Не угадал, братец. – Вигунд вновь наполнил свой кубок хмельным медом. – Я сделаю тебя своим писарем, ведь ты же у нас известный грамотей и книжник. Не зря же ты столько лет изучал латинскую и славянскую грамоту, в этом деле от тебя будет несомненная польза. Как думаешь, брат? – Вигунд взглянул на Корибута. – Совладает ли Ягайло с чернильными и бумажными делами?

– Конечно, совладает, – не пряча усмешки, проговорил Корибут. – Гусиные перья для письма – это же не тяжелые мечи и копья, для бумажных дел много силы не надо.

– Верные слова, брат. – Вигунд поднял над столом свою чашу. – Выпьем же за процветание Литвы и за то, чтобы все сыновья князя Ольгерда способствовали этому процветанию по мере своих сил: кто мечом, кто пером, кто мудрым словом...

Корибут тоже поднял свою чашу.

– Что ж, братья, для блага Литвы я не посчитаю зазорным послужить пером и чернилами, коль возникнет такая надобность, – сказал Ягайло, взяв со стола свою чашу с недопитым хмельным медом. – Полагаю, все обиды между нами можно считать забытыми. Так?

– Ну разумеется, братец, – промолвил Вигунд, видя, что Ягайло именно от него ждет ответа на свой вопрос. – Кто старое помянет, тому глаз вон. Мне по душе твое здравомыслие. Быть возле трона – это ведь тоже немалая честь.

Братья дружно сдвинули свои кубки над столом, так что их серебряные края отозвались чистым радостным звоном, а содержимое наполненных доверху чаш Вигунда и Корибута перевернулось в чашу Ягайлы. Затем Вигунд и Корибут осушили свои кубки до дна, не отрываясь ни на миг. Ягайло же опять лишь немного пригубил из своей чаши, по своей извечной привычке.

Глядя на троих братьев Ольгердовичей, Пересвет не мог отделаться от мысли, что это их примирение показное и насквозь фальшивое. Взаимная неприязнь между Вигундом и Ягайлой не стала меньше. Вряд ли изменил свои помыслы по отношению к Ягайле и Корибут, жаждущий смерти последнего. Воля грозного князя Ольгерда вынудила Ягайлу первым протянуть руку для примирения Вигунду и Корибуту. И эти двое пошли навстречу Ягайле, опять же не желая идти против воли своего властного отца.

«Сыновья Ольгерда страшатся своего могущественного родителя, – подумал Пересвет. – Выступить против воли Ольгерда никто из них не посмеет. Что же будет, когда Ольгерда не станет? Перегрызутся Ольгердовичи между собой на радость немцам и полякам!..»

Глава пятая

Малена

В начале февраля полки Ольгерда и Кейстута подошли к Неману, к западу от которого лежали земли Тевтонского ордена. После недавних поражений крестоносцев в жемайтской провинции Скаловии и на реке Митве владения литовских князей с северо-востока уперлись в реку Неман, которая с некоторых пор стала границей между Литвой и орденом. На берегу Немана Ольгерда вновь посетили немецкие послы, которые привезли ему ответ великого магистра. Выдать литовских перебежчиков в руки Ольгерда власти ордена отказались.

Ольгерд объявил войну Тевтонскому ордену, заявив послам, что он сам доберется до своего племянника Монвида и прочих изменников, нашедших пристанище у крестоносцев. Ольгерду было известно от перебежчиков с немецкой стороны, где именно власти ордена поселили Монвида и его людей. Прибежищем Монвида стал замок на реке Рудаве, впадавшей в Куршский залив. Рудавский замок был довольно древний, выстроенный крестоносцами на землях прибалтийского племени пруссов почти сто лет тому назад. От реки Рудавы до Кенигсберга, самого большого немецкого города в этих краях, было меньше двадцати верст. По сути дела, Рудавский замок находился почти в самом центре владений тевтонских рыцарей. Неподалеку от Рудавского замка были расположены несколько мощных каменных крепостей крестоносцев, в стенах которых стояли сильные гарнизоны.

Когда Ольгерд объявил своим приближенным, что он намерен вести полки к реке Рудаве, дабы стремительным ударом взять Рудавский замок, это вызвало невольное замешательство даже среди бывалых воевод. Подобная дерзость Ольгерда граничила с безумием. Приближенные Ольгерда прекрасно сознавали, что и после всех прошлогодних поражений Тевтонский орден был еще очень силен. Воюя с крестоносцами, литовцы и жемайты никогда не забирались в глубь владений ордена, поскольку это грозило им окружением и полным истреблением. На случай глубоких вражеских прорывов у крестоносцев имелась хорошо отработанная схема действий. Опираясь на свои крепости и сеть добротных дорог, отряды тевтонских рыцарей выдвигались к противнику сразу с нескольких направлений, беря его в мешок или клещи. Пусть войско Ольгерда насчитывает тридцать тысяч воинов, однако и крестоносцы в случае крайней опасности могут вооружиться все поголовно и выставить воинство ничуть не меньше.

«Совершить бросок к Рудавскому замку – это все равно что забраться в берлогу к медведю, проснувшемуся после зимней спячки, – высказал свое мнение на совете литовский воевода Гоиторн, близкий друг Ольгерда. – Замок-то мы, может, и захватим с ходу, но прорваться обратно за Неман без больших потерь нам не удастся. Немцы навалятся на наше войско со всех сторон, ведь у них там всюду понатыканы крепости и замки. Для крестоносцев это будет отличная возможность разом покончить с Ольгердом и Кейстутом!»

Прочие воеводы дружно согласились с мнением Гоиторна. Им, не раз воевавшим с крестоносцами, были прекрасно известны маневренность и ударная мощь рыцарского войска. К тому же на своей земле тевтонцы будут драться особенно яростно.

И все же Ольгерд настоял на своем. В нем сидела такая лютая злоба против племянника Монвида, переметнувшегося к немцам, что он хотел любой ценой добраться до него. Наемные головорезы, подсланные Монвидом, дважды едва не расправились с Ольгердом. Это выводило Ольгерда из себя. Получалось, что даже в своей столице Ольгерд не мог чувствовать себя в полной безопасности.

«Немцы упрятали негодяя Монвида в дальний Рудавский замок, но я докажу всей этой немецкой своре, что у меня длинные руки, а мое войско способно пройти насквозь через все владения ордена!» – заявил на совете Ольгерд.

Воеводам пришлось смириться, поскольку Кейстут и его сыновья, а также сыновья Ольгерда единодушно высказались за поход к Рудавскому замку.

«Монвид явно зарвался, веря в то, что он находится под надежной защитой крестоносцев, – сказал Кейстут. – С ним пора кончать, дабы его немецкие покровители и все прочие изменники уяснили раз и навсегда, что от гнева Ольгерда нет спасения нигде!»

На другой день с раннего утра литовское войско тремя колоннами перешло по льду реку Неман, обойдя стороной немецкую крепость Данген, и скорым маршем двинулось по дороге в сторону Куршского залива. Из крепости Данген конные гонцы помчались в Мариенбург, Байербург и Кенигсберг с тревожным известием о вторжении литовской рати в исконные владения Тевтонского ордена.

* * *

Во время движения к реке Рудаве дружина Корибута Ольгердовича оказалась в арьергарде для защиты обоза. На первой же ночной стоянке Пересвет неожиданно столкнулся лицом к лицу с Маленой. Пересвет направлялся к шатру воеводы Будивида, когда на него чуть не набежала Малена, державшая в руках лукошко с просом. Яркое пламя костров озаряло служанку с ног до головы, поэтому Пересвет вмиг узнал ее, несмотря на платок, надвинутый на самые брови.

– Малена?! Ты?! – изумленно выдохнул Пересвет. – Ты почто здесь?

– Да вот, пришлось ноги уносить из Ольгердова терема, – ответила Малена, смущенная и радостная одновременно от того, что Пересвет первым заговорил с ней. – Рыжеволосый карлик, Ольгердов любимец, глаз на меня положил, проходу мне не давал. Вот я и ушла обратно к боярину Скирмунту, благо он давно меня звал. Помнишь, я рассказывала тебе о нем. У него же на подворье и подруга моя живет без печалей и горестей. Никакие мелкие уродцы там к ней не пристают.

Не склонная к долгим переживаниям Малена улыбнулась, не спуская глаз с Пересвета.

– Зачем же ты к воинству примкнула, глупая? – вновь спросил Пересвет.

– Это Росана меня сговорила, так подругу мою зовут, – ответила Малена. – Она без ума от одного гридня из дружины Скирмунта, вот и последовала за ним на войну. Скирмунт, добрая душа, выделил нам с Росаной крытый возок на санных полозьях, а то ведь мы верхом-то ездить не умеем.

Пересвету было ведомо, что в литовском войске имеются блудницы, торгующие своим телом, поэтому он осторожно поинтересовался у Малены, не подбивает ли ее Росана зарабатывать деньги столь постыдным способом.

– Ой, ну что ты! – стыдливо отмахнулась Малена. – Росана на такое не способна, да и у меня голова соображает, слава богу. Этих легких денег нам не надо, здоровье дороже! Мы ведь с ней хотим замуж выйти честь по чести, детей нарожать от супруга, а не во грехе. Чем мы с Росаной занимаемся? Еству приготавливаем для ратников. – Малена кивнула на лукошко с просом в своих руках. – Едоков-то под Ольгердовыми знаменами многие тыщи, всем горячей пищи хочется.

– Как тебя разыскать? – спросил Пересвет, видя, что Малена явно куда-то спешит.

– Возок наш укрыт зеленой холстиной с двумя широкими красными полосами, он один такой во всем обозе, – торопливо проговорила Малена, удаляясь от Пересвета по широкому проходу между палатками. – Лучше приходи после полуночи, когда все вокруг спать улягутся. А то ведь мне дурной славы не надо, младень.

Сделав прощальный жест рукой в белой рукавице, Малена припустила быстрым шагом туда, где стояли шатры воинов из дружины Скирмунта. Беличья шубейка была ей чуть коротковата, отчего ее статная фигура в длинном до пят платье издали казалась выше ростом.

Кое-как дождавшись полуночи, Пересвет осторожно выбрался из палатки, стараясь не потревожить сон молодых гридней из своей полусотни. Он шел по хрустящему истоптанному снегу, надвинув шапку на самые брови и кутаясь в плащ, подбитый волчьим мехом. Из палаток, стоявших длинными рядами, тут и там доносились сонные бормотания и могучий храп ратников. Костры уже догорели и погасли; военный стан был озарен лишь голубоватым призрачным светом ущербной луны. Изредка из огороженных жердями загонов раздавались громкие всхрапывания лошадей.

Пересвет пробирался по спящему становищу, озираясь по сторонам. Ему не хотелось, чтобы его случайно заметил в столь поздний час кто-нибудь из брянских дружинников или кто-то из людей Вигунда Ольгердовича, полк которого тоже находился в арьергарде. Пересвету волей-неволей приходилось блюсти свой моральный облик, ведь его дома ожидает невеста. И все же Пересвета сильно тянуло к Малене, это походило на дурман или наваждение. Он отважился пойти к ней, лишь поборов собственные угрызения совести. Пересвет сознавал, что встал на греховный путь, но ничего не мог с собой поделать.

Оказалось, что Малена ждала Пересвета. Она сидела на облучке возка, засунув обнаженные кисти рук в рукава своей беличьей шубейки. Вместо платка на голове у нее была круглая шапочка. Малена первая увидела Пересвета, крадущегося между возами на полозьях. Подскочив к нему, Малена сделала знак рукой, мол, соблюдай тишину и ничего не говори!

Затащив Пересвета под низкий закругленный полог крытого возка, Малена шепотом сказала ему, что светильника у нее нет, поэтому свидание их будет проходить в полном мраке. Дабы сберечь внутри крытых саней хоть какое-то тепло, Малена тщательно закрыла бараньей шкурой узкий дверной проем.

Пересвет не мог видеть Малену. Он лишь чувствовал ее теплое дыхание на своих губах, легкие прикосновения ее пальцев на своих щеках и шее, ее густые распущенные волосы, которых он то и дело касался лицом и руками, крепко обнимая Малену. Сначала они долго целовались, жадно и страстно соединяясь устами, все время действуя на ощупь, как слепые. Потом густой непроглядный мрак, заполнивший тесное внутреннее пространство крытого возка, наполнился блаженными стонами и вздохами, когда двое любовников увлеклись самым сладостным из бесстыдств.

Уже расставаясь, Пересвет и Малена вдруг осознали, что они не успели ничего толком сказать друг другу.

– Ну вот, согрешили и вновь расстаемся, – усмехнулась Малена, поправляя свои растрепанные волосы. – Увидимся ли еще?

Они стояли на снегу возле возка, смущенные и неловкие. Их молодые тела, укрытые наспех наброшенной одеждой, еще горели жаром после недавних любовных объятий.

– Конечно, увидимся! – негромко промолвил Пересвет. – Во всяком случае, я хочу этого!

– И я хочу! – тут же отозвалась Малена, уткнувшись румяным лицом в грудь Пересвета.

– Пора мне уходить, Малена, – сказал Пересвет. – И ты ложись спать. Подъем завтра будет ранний.

Поцеловавшись на прощание, гридень и служанка расстались.

Вскочив на облучок саней, Малена проводила взглядом красную парчовую шапку Пересвета, которая, удаляясь, маячила над санями с поклажей, пока не исчезла среди шатров и палаток.

Соскочив с облучка на снег, Малена вдруг увидела свою подругу Росану, которая возникла как из-под земли.

– Ох, и продрогла я, милая, ожидая, когда вы на милуетесь! – с притворным негодованием проговорила Росана, кутаясь в овчинный тулупчик. – Слыша твои охи и стоны, подружка, мне даже завидно стало. Вот бы мне такого молодца, сильного и красивого! Отбить его у тебя, что ли?

Малена молча сунула под нос Росане свой маленький крепкий кулачок, беззлобно обронив:

– Токмо попробуй, подруга!

– Все едино зря ты на него облизываешься, милая. – Росана подавила грустный вздох. – Он-то боярич, а ты простолюдинка.

– В жизни всякое бывает, – заметила Малена. – Порой смерд боярышню под венец ведет, порой и боярич на крестьянке женится.

– Сказала ты ему, что дитя от него ждешь? – тихо спросила Росана, мягко обняв подругу за плечи.

– Не сказала, – еле слышно ответила Малена. – Скажу, когда война закончится.

– Ладно, пошли спать! – Росана взяла Малену за руку, потянув ее к возку на полозьях, укрытому плотным зеленым пологом с двумя широкими красными полосами.

Глава шестая

Монвид

Пересвет дивился погоде, стоявшей на побережье Куршского залива. Февраль только начался, а в окрестных лесах и на лугах уже начал таять снег. С моря, до которого было не более трех верст, веяло теплым влажным ветром. Воздух, напоенный запахом сосновой хвои, светло-голубое небо, горячие лучи солнца – все это радовало Пересвета, ощущавшего раннее дыхание весны. Здесь, на Балтике, зимняя пора была короче, нежели в Брянском полесье.

«У нас на Руси в феврале еще морозы трескучие стоят, без рукавиц из дому не выйдешь, – переговаривались между собой гридни из брянской дружины, – а тут, глядите-ка, теплынь, ручьи вот-вот побегут! Дивное место эта Пруссия!»

Однако «дивная» Пруссия встречала литовско-русские полки неприветливо. Деревни немецких поселенцев, мимо которых проходило войско Ольгерда и Кейстута, стояли пустые. Жители этих сел прятались в лесах или укрывались за стенами близлежащих замков. За более чем столетнее пребывание крестоносцев на здешних землях пруссы, коренное население этих мест, было почти полностью истреблено. Немцы под стягами Тевтонского ордена проводили насильственную христианизацию язычников-пруссов, тех, что уцелели после длительных войн и Великого восстания. Участь немногочисленных уцелевших пруссов была незавидна, в немецкие города их не пускали, им приходилось работать в каменоломнях, на валке леса, гнуть спину на мельницах и в хозяйствах немецких колонистов.

Крестоносцы победили гордых пруссов после упорнейших и жесточайших войн, пролив реки крови. Завоевая Пруссию шаг за шагом, тевтонские рыцари повсюду первым делом строили крепости как оплот своего владычества. Некоторые из немецких крепостей пруссы сумели разрушить во время Великого восстания, которое было подавлено крестоносцами с большим трудом. Восставшие пруссы взяли и Рудавский замок, превратив его в руины. Со временем крестоносцы не только восстановили крепость на реке Рудаве, но и значительно ее расширили.

Центральная цитадель Рудавского замка возвышалась на обрывистом мысе над рекой Рудавой, воды которой омывали подступы к ней с трех сторон. С восточной стороны к цитадели примыкали каменные стены и башни Новой крепости, возведенной тевтонцами после подавления восстания пруссов. Перед стенами и башнями Новой крепости был проложен глубокий ров, заполненный водой из Рудавы. Проникнуть в Рудавскую крепость можно было только через единственные ворота, устроенные в чреве огромной башни, к которым вел широкий мост через ров. Этот мост на ночь поднимался с помощью железных цепей и подъемного механизма, установленного на верхнем ярусе воротной башни.

Литовское войско подступило к Рудавскому замку на исходе дня. Уже в вечерних сумерках Ольгерд погнал своих воинов на штурм Рудавской крепости, даже не дав им перевести дух после долгого дневного перехода. Ольгерд прекрасно сознавал, что времени на взятие Рудавского замка у него совсем немного. Через день-два сюда нагрянут конные и пешие отряды крестоносцев, которые приложат все усилия, чтобы уничтожить полки Ольгерда и Кейстута до последнего человека. Тевтонским рыцарям, приученным к строгой дисциплине, не потребуется много времени, чтобы собраться в поход. Это Ольгерд знал по собственному опыту.

Литовско-русская рать навалилась на Рудавскую крепость сразу с трех сторон. Это была обычная уловка Ольгерда. Таким образом, идущие на штурм полки Ольгерда вынуждали неприятеля бросить на отражение приступа все свои силы, оставляя практически без присмотра, казалось бы, самую неприступную стену замка. Но именно по этой неприступной стене, как правило, вскарабкивались в осаждаемую вражескую крепость самые ловкие из литовских ратников, используя лестницы, веревки, железные крючья и клинья. Случилось так и на этот

раз. Покуда защитники Рудавского замка отбивались от нападающих русичей и литовцев на стенах Новой крепости, в это самое время в цитадель замка поднялись по выщербленной стене Южной башни три десятка жемайтов. Эти смельчаки подобрались к подножию угловой Южной башни по льду реки Рудавы. Перебив немногочисленную стражу, тридцать жемайтов выбрались из цитадели в Нижнюю крепость и открыли ворота для полков Ольгерда и Кейстута.

Почти все защитники Рудавской крепости пали в неравной схватке, среди них оказались не только дружинники Монвида, но и немецкие рыцари, их слуги и кнехты. Израненный Монвид был взят в плен.

Когда литовские воины подвели истекающего кровью Монвида к Ольгерду, тот торжествующим голосом произнес:

– Как видишь, племяш, я все-таки добрался до тебя! Славное убежище ты себе подыскал, племяш, но ни каменные стены, ни германские мечи не защитили тебя от моей мести. Вот ты передо мной. Что хочешь сказать мне перед смертью? Ты много вреда мне причинил, племяш, поэтому пощады не жди.

– Сожалею, что не мой меч тебя прикончит, дядя, – хрипло промолвил Монвид, без страха глядя в глаза Ольгерду. – Пусть я умру сегодня, но и ты, дядюшка, сдохнешь уже завтра. Скоро к Рудавскому замку подступит войско крестоносцев. Путь к отступлению у тебя нет, ты сам сунул голову в петлю. Помолись своим языческим богам, дядя, чтобы они с честью приняли твою тень в царстве мертвых.

Монвид торжествующе расхохотался, обнажив белые крепкие зубы.

– Ах ты собака! – Ольгерд замахнулся на Монвида плетью, но сдержался и не нанес удара. Он сделал знак своим дружинникам: – Ну-ка, братцы, повесьте этого негодяя повыше!

Во внутреннем дворе крепости возвышался могучий дуб. Воины Ольгерда закрепили веревку с петлей на конце одной из узловатых нижних ветвей дуба, затем они усадили Монвида в седло, подведя коня под веревочную петлю. Кто-то накинуд удавку Монвиду на шею, чья-то рука огрела плетью коня. Жеребец рванулся вперед. Монвид вылетел из седла и повис на раскачивающейся веревке. Он дико вращал глазами и яростно скалил зубы, как волк, угодивший в ловушку. Монвид был могуч телом, к тому же на нем были надеты тяжелые доспехи – веревка не выдержала и оборвалась. Монвид со стоном упал на землю.

Ольгерд выругался и приказал своим телохранителям снова повесить Монвида.

Дружинники расторопно исполнили приказ Ольгерда. Однако веревка опять не выдержала, и израненный пленник вновь оказался на земле.

Когда воины Ольгерда стали вешать Монвида в третий раз, уже сняв с него доспехи, тот изловчился и выхватил из-за пояса у одного из Ольгердовых гридней небольшой нож, резанув им себя по горлу. Мигом хлынула кровь, по телу Монвида пробежали судороги. Он скончался прямо на руках у своих палачей, которые так и не успели опять посадить его в седло и накинуть ему петлю на шею.

Разъярившийся Ольгерд набросился на своих дружинников, награждая их зуботычинами и хлесткими ударами плети. При этом Ольгерд осыпал гридней самой грубой бранью, мешая в кучу литовские и русские ругательства.

Такое поведение Ольгерда невольно покорило Пересвета, видевшего все это вместе с несколькими тысячами русских и литовских воинов, столпившихся на центральной площади вокруг дуба. Но еще более неприятное впечатление произвело на Пересвета то, что Ольгерд, не владея собой от ярости, стал пинать ногами бездыханное тело Монвида, после чего он повелел вздернуть мертвого племянника на дубовом суку.

Глава седьмая

Винрих фон Книпроде

– Возьми двадцать конников из своей полусотни и отправляйся по дороге напрямик на запад к деревне Логдау, – повелел Пересвету гридникий Ердень. – Пошарь там хорошенько, друже. В дружине нашей ествы осталось всего ничего, а нам еще из Пруссии до дому добираться надо не один день. Для лошадей корма тоже почти не осталось. Действуй живее, молодец, а то ведь ратники из других полков растащат все зерно и сено из окрестных немецких деревень.

Подобное поручение гридникий Ердень дал не только Пересвету, но и своему сыну Кориату, который состоял сотником в дружине Корибута Ольгердовича. Кориату предстояло домчаться с отрядом всадников до селения Веллин, расположенного на берегу реки Рудава в нескольких верстах к юго-западу от Рудавского замка.

Утро только-только занялось, когда Пересвет во главе двадцати конных гридней выехал из стана на проселочную дорогу, выющуюся среди холмов, поросших лесом. Пересвета одолевала зевота. Гридникий разбудил его ни свет ни заря. Пересвет гнал коня быстрой рысью, вглядываясь в косогор, к которому уходила дорога, покрытая ледяной коркой после ночных заморозков. Пересвет смотрел на дорогу, на лес и холмы, а перед глазами у него стояли картины вчерашнего кровопролития. Во вчерашней быстротечной сече от меча Пересвета пало четверо врагов, причем один из них был еще совсем мальчик, а другой был седобородый однорукий старик. В душе Пересвета сидело досадное недовольство самим собой, ведь он же мог взять в плен того старика и мальчишку, но не сделал этого, действуя в каком-то свирепом угаре. Жестокость, вообще-то не присущая характеру Пересвета, очень редко брала в нем верх, подавляя добрые стороны его нрава. Из-за этого Пересвет всякий раз какое-то время пребывал не в ладу со своей совестью. Так было и на этот раз.

Селение Логдау состояло примерно из тридцати добротных домов. С одной стороны к селению примыкало обширное заснеженное поле, с другой – мрачная лесная чаща. Деревня была пуста. Судя по следам тележных колес и по отпечаткам лошадиных копыт, местные жители ушли отсюда еще вчера вечером по двум дорогам: на запад и на северо-запад. Спасаясь от вражеского вторжения, селяне угнали с собой и весь скот.

– Они даже свиней забрали с собой, не иначе, погрузили их на повозки и увезли, – молвил гридень Пустовит, обежав подряд несколько дворов. – В домах ни души и в хлевах тоже пусто. Одно слово – немчура! Ни курицы, ни теленка, ни поросенка нам не оставили мордастые бюргеры!

– Чему удивляться, немцы – народ бережливый, – усмехнулся Пересвет, подтягивая подпругу у своего седла. – Немцы токмо говорят, что сражаются против язычников-литовцев за веру Христову. На деле же германцы испокон веку пускают в ход оружие, дабы отнять чужое добро и земли. Сначала немцы воевали с пруссами и куршами, покуда не извели тех почти поголовно, прибрав к рукам их землю. Теперь же немцы с тем же пылом взялись истреблять жемайтов, латгалов и литовцев.

Беглый осмотр деревни показал, что поживиться тут русичам особо нечем. Дружинники, собравшись вокруг Пересвета, ожидали от него дальнейших распоряжений.

– Вот что, други, – сказал Пересвет, – пошарьте по деревне еще раз, во все погреба загляните, на все чердаки. Все съестное складывайте в мешки, не брезгуйте и сухарями. Я проедусь по лугам и перелескам вокруг села, поищу копны заготовленного на зиму сена. Не могли же здешние селяне и все сено за собой уволочь. Со мной поедут Пустовит и Ярец, поскольку у них кони самые резвые.

Выполняя повеление Пересвета, дружинники привязали своих лошадей к деревянной изгороди и рассыпались по всей деревне.

Пересвет, вскочив на своего гнедого скакуна, выехал за околицу, направившись к лесной опушке. От него не отставали гридни Пустовит и Ярец, знавшие Пересвета с детских лет, так как оба выросли на одной улице вместе с ним. Пустовит ехал на длинногривой соловой кобыле, укрытой красной попоной. Ярец крепко сидел на темно-рыжем поджаром коне степной породы, который грыз удила, порываясь перейти в галоп.

Увидев след от санных полозьев на рыхлом подталом снегу, Пересвет направил своего коня по этому следу. Кто-то из жителей Логдау совсем недавно ездил за сеном в лес, сообразил Пересвет. Значит, в лесу должны быть скирды с заготовленным сеном.

В лесу стояла глубокая тишина.

Черные стволы древних осин, бурые ветвистые буки, белоствольные корявые березы, редкие стройные ели стояли по склонам низких холмов то густо, то редко. Санный след тянулся по низине среди колючих кустов и молодых вязов, минуя упавшие деревья и непролазную чащобу. Оказавшись на лесной поляне, Пересвет свесился с седла, разглядывая следы ног на снегу, пучки сухого сена, разбросанные тут и там. В центре поляны явственно виднелись круги от недавно стоявших здесь стогов.

– Крестьяне из Логдау орудовали тут недавно, – проговорил Пустовит, не отстававший от Пересвета ни на шаг. – Дело ясное! Сгрузили сено на сани и увезли в глубь леса. Вон куда санный след тянется! – Пустовит указал рукой на черные ольховые дебри и мрачный густой осинник.

– Не могли они дальше сено увезти, – заметил Ярец, похлопывая по шее своего горячего скакуна. – В лесу дорог нет, и времени на это тоже явно не было. Ведь наше войско нагрнуло в эти края неожиданно-негаданно!

– Ладно, братцы, пошарим в том осиннике и за ним, – сказал Пересвет, – может, и будет нам удача.

Три всадника углубились в Черный лес, так в Пруссии называлась густая чаща из осин, кленов и ольхи, где не то что конному, но и пешему пробраться было весьма непросто. Местные жители, прятавшие в лесу свое сено, пробирались по Черному лесу со своими лошадьми и груженными санями по еле заметной тропе, заботливо очищенной от упавших полустгнивших деревьев. Это было сразу видно. Кто-то из местных крестьян хорошо знал эти лесистые места.

Сено было обнаружено в укромной ложине на краю болота, заросшего густым, шелестящим на ветру тростником высотой в человеческий рост. Два небольших стога стояли под высокой липой, заботливо укрытые сухими ветками.

– Я же говорил, что не могли местные селяне дальше сено спрятать, – торжествующе обронил Ярец, с громким хрустом переломив длинную ветку липы, ткнувшуюся ему прямо в лицо. – Видите, я был прав!

Ярец придержал коня, оглянувшись на Пересвета и Пустовита, ехавших следом за ним.

Пересвет не успел открыть рот, чтобы похвалить гридня, разглядевшего в буреломе две копны сена, как вдруг в воздухе что-то просвистело. Ярец резко вздрогнул и боком стал валиться с седла. На его молодом румянном лице застыло выражение растерянности и боли. Его шея была пробита навывлет стрелой из арбалета. Упавший на снег Ярец еще корчился в предсмертных судорогах, а уже другая арбалетная стрела поразила Пустовита, вонзившись ему в глаз почти по самое оперение. Пустовит умер почти мгновенно, еще сидя в седле.

Пересвет быстрым движением выдернул из чехла щит и надел его на левую руку. В следующий миг в верхний край щита с коротким глухим стуком вонзились две арбалетные стрелы. Невидимый, неведомый враг сидел в засаде где-то совсем рядом. Прикрываясь щитом, Пересвет взгляделся цепким взором в тростниковые заросли, ибо стрелы прилетели именно оттуда. Над лохматыми метелками тростника показались металлические блестящие шлемы, круглые, с

широкими полями и горшкообразные с узкими прорезями для глаз. Различил Пересвет и длинные копы с узкими треугольными флажками, закрепленными на древке чуть ниже железного острия. Флажки были белого цвета с черными крестами.

«Немцы! – мелькнуло в голове у Пересвета. – Не иначе дозорный отряд!»

Догадка Пересвета подтвердилась уже через минуту. На заснеженную поляну из тростниковых зарослей с шумом и треском выехали пятеро конных тевтонцев в железных латах с ног до головы, в белых плащах с черными крестами. Следом за конными рыцарями на узкую луговину из тростниковых дебрей выбежали полтора десятка пеших кнехтов, которые мигом рассыпались широкой цепью вокруг Пересвета, отрезав ему пути к отступлению. Судя по тому, что немцы опустили заряженные арбалеты, было ясно, что они намерены взять русича в плен. Однако сдаваться без боя Пересвет не собирался. Выхватив меч из ножен, он погнал своего коня напрямик на рыцаря в рогатом шлеме, вороной жеребец под которым был защищен железным налобником и нагрудником. Рыцарь направил свое тяжелое копье в грудь нападающему Пересвету, но тот ловким ударом меча отрубил у копья острый железный наконечник. Тевтонец отшвырнул ставшее бесполезным древко копья и обнажил свой длинный меч.

Четверо прочих рыцарей отъехали в сторону, уступая место для поединка между своим соратником в рогатом шлеме и русским витязем.

Два мощных коня сошлись грудь в грудь, повинувшись воле своих седоков, которые, встав на стременах, яростно наносили удары мечами друг другу. Два клинка, сталкиваясь, звенели и лязгали. Если немец в рогатом шлеме не успевал отразить удар клинка Пересвета своим длинным мечом, тогда он умело прикрывался треугольным щитом, на белом поле которого грозно раскинул крылья черный орел с изогнутым клювом. Так же действовал и Пересвет, используя как защиту свой красный овальный щит с заостренным нижним краем.

Кружась на месте, два жеребца раскидывали копытами рыхлый снег, под которым виднелась желтая сухая прошлогодняя трава вперемешку с опавшими бурными листьями.

Немец оказался на редкость опытным рубакой. Пересвету никак не удавалось подловить его на какой-нибудь оплошности. Ни рубящие, ни колющие удары не причиняли немцу вреда, хотя Пересвет вкладывал в них всю свою силу, стараясь молниеносно переходить от защиты к нападению. На немце было более тяжелое вооружение, и Пересвет ожидал, что его противник не сможет долго быть стремительным в движениях. Однако рыцарь в рогатом шлеме оказался еще и на удивление выносливым. Он одинаково расторопно успевал отражать удары Пересвета, разворачивать своего коня для нужного угла атаки и орудовать своим мечом.

И все же удача улыбнулась Пересвету.

Во время очередного замаха меч рыцаря зацепился за толстый древесный сук и вылетел у него из руки. Пересвет моментально воспользовался этим, рубанув немца по шлему и по правому плечу. Вдобавок Пересвет ударил мечом наотмашь рыцарского коня по голове. Жеребец так резко осел на задние ноги, что рыцарь в рогатом шлеме, потеряв равновесие, вывалился из седла, запутавшись одной ногой в стремях.

Издав торжествующий возглас, Пересвет повернул коня к лесу, намереваясь прорваться из окружения силой. У него на пути выросли сразу трое кнехтов с дротиками и небольшими круглыми щитами в руках. Одного из кнехтов Пересвет сбил с ног конем, другого рубанул мечом так, что рассек круглый тарелкообразный шлем на его голове. Оглушенный немец, как сноп, повалился на снег. Третий кнехт метнул дротик в Пересвета, но копье угодило в щит. Свесившись с седла, Пересвет успел достать мечом и третьего из кнехтов, ранив его в руку ниже локтя.

До спасительной чащи было совсем близко, когда жеребец под Пересветом с хрипением свалился на бок, запнувшись передними копытами за торчащую из-под снега корягу. Оказавшись на земле, Пересвет не выронил меч из руки. Он стремительно вскочил на ноги и первым

бросился на кнехтов, которые со всех ног мчались на него, продираясь сквозь кусты и пере-
скакивая через упавшие древесные стволы.

Немцы вновь взяли Пересвета в кольцо, отогнав от него коня, который без всяких повре-
ждений поднялся с земли. Пересвет очень скоро понял всю безнадежность своего положения.
Ему было очень непросто сражаться с нападающими врагами среди деревьев, кустов и пере-
плетений свисавших сверху древесных ветвей. У Пересвета не было никакой возможности ни
размахнуться мечом, ни толком отразить им удар топора или дротика. Немцев же было слиш-
ком много против него одного. Навалившись скопом на храброго русича, кнехты повалили его
наземь и связали ему руки за спиной ремнями от колчана.

Когда связанного Пересвета с разбитым в кровь лицом кнехты поставили на ноги, то
взглянуть на пленника пришли пятеро спешенных тевтонских рыцарей. Все они были без шле-
мов, поэтому Пересвет хорошо разглядел их надменные лица.

Тевтонцы негромко о чем-то переговаривались между собой на немецком языке. Пере-
свету довелось в прошлом дважды побывать в Смоленске, где он видел купцов из Германии,
поэтому услышать немецкую речь не стало для него в диковинку. Рыцари, все пятеро, были
довольно молоды. Все они были длинноволосы и безбороды, кроме одного, имевшего неболь-
шую светло-русую бороду и усы. Бородатый рыцарь держал в руках рогатый шлем. Этого
рыцаря Пересвет рассматривал особенно пристально, ведь это с ним ему пришлось скрестить
меч несколько минут назад.

Неожиданно бородатый тевтонец обратился к Пересвету на ломаном русском:

– Ты храбрый воин, русич. Как твое имя?

– Не скажу, – коротко бросил Пересвет, глядя рыцарю в глаза.

– Что ж, дело твое, – пожал плечами бородач в белом плаще с черными крестами. – Ты
поедешь с нами, удалец.

Бородатый рыцарь сделал знак рукой двум кнехтам, застывшим за спиной у Пересвета,
те схватили пленника за руки с двух сторон и потащили его к коню. Прежде чем посадить
связанного Пересвета на его же коня, немецкие пешцы сняли с него шлем, плащ и кожаные
перчатки. Кто-то из кнехтов сдернул с пленника пояс с кинжалом. Меч Пересвета вместе с
ножами взял себе бородатый тевтонец.

* * *

Стан тевтонцев находился в лесу всего в нескольких верстах от деревни Логдау. Помимо
рыцарей и кнехтов в этом становище было немало крестьян из окрестных сел и хуторов. Ока-
завшись во вражеском лагере, Пересвет изумился тому, насколько быстро и скрытно тевтонцы
сумели собрать в кулак свои силы, сосредоточившись для удара буквально под боком у литов-
ского войска.

Связанного Пересвета все те же двое кнехтов бесцеремонно стащили с коня и повели
куда-то по лагерю, повинаясь властному жесту бородатого тевтонца в рогатом шлеме. Этот
рыцарь шагал впереди и негромко насвистывал какую-то мелодию.

Озиравшийся по сторонам Пересвет то и дело спотыкался на ровном месте, поэтому двум
идущим за ним кнехтам приходилось всякий раз придерживать его за локоть. Наконец взору
Пересвета предстал большой темно-красный шатер с золотыми узорами в виде треугольных
щитов, с длинной золотой бахромой и пурпурными занавесками на входе. Перед шатром на
плотно утрамбованном снегу стояли на страже два воина в латах, с копьями в руках и с мечами
при бедре. Тут же прохаживался взад-вперед военачальник в роскошном панцире с золоченым
гербом на груди, в легком шлеме без забрала. Плечи военачальника были укрыты длинным
белым плащом с черными крестами. На красивом румянном лице молодого военачальника были

написаны безразличие и скука. Однако это прекрасное безусое лицо вмиг оживилось при виде тевтонца в рогатом шлеме и троих его спутников.

Красивый военачальник и рыцарь в рогатом шлеме заговорили друг с другом как давние закадычные приятели. Вслушиваясь в их разговор, Пересвет, хотя и не владевший немецким языком, все же уловил, что тевтонец в рогатом шлеме называет красивого военачальника «брат Ансельм», а тот в свою очередь называет своего собеседника «брат Ульрих». Во время этой короткой и весьма оживленной беседы брат Ульрих раза два сделал кивок в сторону связанного Пересвета, перед этим сняв с головы свой рогатый шлем. Брат Ансельм, дружелюбно улыбаясь, посторонился, пропуская брата Ульриха в шатер. То же самое сделали два рослых стражника, раздавшись в стороны перед бородатым тевтонцем, который уверенно направился к пурпурным занавескам, держа в руках рогатый шлем. Скрывшийся в шатре брат Ульрих пробыл там недолго. Минуты через две он показался между пурпурными занавесками, повелев двум своим кнехтам тащить пленника в шатер.

Внутри шатер был разделен плотной занавесью на два помещения. Пересвет не успел толком оглядеть самое большое из них, куда его завели, как из-за колыхнувшегося полога вышел статный плечистый немец в длинном туникообразном одеянии из грубой серой ткани, с серебряной цепью на шее, на которой висел большой золотой крест. Представший перед Пересветом незнакомец имел густую длинную бороду, его пышные светлые волосы вились мелкими кудрями, живописно обрамляя его суровое лицо с крупным прямым носом, большими голубыми глазами и низко нависавшими бровями. Благодаря усам, бороде и глубоким морщинам на лбу и возле носа в лице этого незнакомца проступало что-то монашеское и аскетичное.

Брат Ульрих, стоявший сбоку от Пересвета, что-то произнес по-немецки, обращаясь к статному голубоглазому бородачу в грубой рясе с нескрываемым почтением. После чего он грубо ткнул Пересвета в бок, прошептав ему по-русски:

– Это Винрих фон Книпроде, великий магистр Тевтонского ордена. Опустит глаза, нагнец, и поклонись ему!

Пересвет раздраженно дернул плечом, словно отгоняя от себя надоедливую муху.

«Вот еще, была нужда спину гнуть! – сердито подумал он. – Я в слуги к магистру не нанимался!»

Полагая, что сразу после допроса немцы его повесят или заколют копьями, Пересвет решил держаться перед врагами бесстрашно и с достоинством. И уж конечно, он не собирался вымаливать у тевтонцев пощаду, склоняя перед ними голову или становясь на колени. Движимый любопытством Пересвет разглядывал великого магистра, удивляясь его неброской скромной одежде, длинным волосам и бороде, благодаря которым этот могущественный повелитель крестоносцев смахивал на священника. Пересвет был наслышан от Корибута Ольгердовича и его приближенных о Винрихе фон Книпроде, объявившем крестовый поход против Литвы и собиравшем под знаменами Тевтонского ордена рыцарей и добровольцев из простонародья со всей Европы. Винриха фон Книпроде люто ненавидели Ольгерд и Кейстут. Они воевали с ним много лет, но никак не могли победить его или заманить в ловушку. Пересвет мысленно поблагодарил судьбу-злодейку, что та позволила ему перед смертью увидеть воочию самого главного врага литовцев и жемайтов.

Глава восьмая

Битва на реке Рудаве

Корибут Ольгердович и гриднический Ердень выслушали Пересвета, внимательно глядя ему в лицо. То, что им поведал Пересвет, побывавший в плену у крестоносцев, как-то не укладывалось у них в голове. Со слов Пересвета выходило, что сам Винрих фон Книпроде отпустил его на все четыре стороны, предварительно задав ему несколько вопросов о литовском войске и не получив на них ответы.

– Что именно пытался вызнать у тебя магистр? – спросил Корибут Ольгердович, сверля Пересвета пытливым взглядом.

Пересвет почесал в затылке, припоминая, потом ответил, не пряча глаз:

– Перво-наперво магистр хотел узнать численность всего Ольгердова войска, а также имена всех литовских воевод и русских князей, пришедших к Рудавскому замку под знаменами Ольгерда. Помимо этого магистр выспрашивал у меня сведения о Кейстуте и его жемайтской рати. Ладит ли Кейстут с Ольгердом? Кого из сыновей Кейстута взял с собой в этот поход? Велика ли дружина у Кейстута? Ну и всякое такое...

– И ты ничего не сказал магистру? – спросил Ердень у Пересвета с оттенком недоверия в голосе.

– Ничего не сказал, – без колебаний проговорил Пересвет.

– Совсем ничего? – Ердень подозрительно прищурил свои бледно-голубые глаза.

– Ничего, – твердо промолвил Пересвет, глядя на гриднического прямым взором.

Ердень шумно вздохнул, бросив на Корибута Ольгердовича многозначительный взгляд. Мол, ты думай, что хочешь, а я этому молодцу не верю!

Корибут Ольгердович попросил гриднического удалиться из шатра. Ердень беспрекословно повиновался. Проходя мимо Пересвета, сидящего на скамье, Ердень похлопал его по плечу, как бы говоря этим жестом: «Хотя бы наедине с князем будь честен до конца, младень!»

– Ну вот, друг мой, мы теперь одни, – сказал Корибут Ольгердович, присев на скамью рядом с Пересветом. – Теперь ты можешь поведать мне всю правду, как бы горька она ни была. Что ты выболтал магистру на допросе?

Задавая этот вопрос, Корибут Ольгердович намеренно не смотрел в глаза Пересвету, дабы тому было легче сознаться в своем малодушии.

Однако Пересвет стоял на своем, заявляя, что он не передал немцам никаких сведений, даже имени своего им не назвал.

– Почто ты мне не веришь, князь? – обиженно воскликнул Пересвет. – Иль ты меня мало знаешь?

– Верно, друже, во лжи ты допрежь уличен не был ни разу, – заметил Корибут Ольгердович, – но дело в том, что странно получается: ты немцам ничего не рассказал, а они тебя взяли и отпустили с Богом. В таких случаях немцы обычно пленников бьют и пытаются, чтобы вызнать у них хоть что-то. После пыток пленника либо добивают, либо обменивают его на кого-то из немцев, оказавшихся в неволе у литовцев. Твой случай, Пересвет, какой-то из ряда вон выходящий, прости за прямоту. Ты или чего-то недоговариваешь, или твой ангел-хранитель опекает тебя уж слишком усердно. Скажи мне истину, друже! – Князь взял Пересвета за руку. – Обещаю, я буду молчать. Сними камень с души! Ведь недомолвок между нами никогда не бывало.

– Нету у меня на душе ни камня, ни камешка, княже. – Пересвет сердито отнял свою руку. – Я поведал тебе все, как было. Почто немцы проявили ко мне милосердие, сие и для меня загадка. А верить или не верить, это уже дело твое, князь.

– Ладно, ступай! – сухо бросил Пересвету Корибут Ольгердович, поднявшись со скамьи и подойдя к столу. – С тобой еще твой отец перемолвиться хочет. Иди к нему, друже. Да не мели языком среди наших ратников о том, что в немецком плену побывал!

Боярин Станисмир Иванович не скрывал своего взволнованно-озабоченного состояния, когда завел разговор с Пересветом, уединившись с ним в своем шатре. Ему тоже не верилось, что его сын ни за что ни про что был освобожден немцами из плена.

– Ну, сын мой, садись и выкладывай мне все начистоту, отчего это крестоносцы явили тебе такую неслыханную милость! – промолвил Станисмир Иванович, усадив Пересвета на табурет и тщательно задернув дверной полог. – Да молви негромко, дабы посторонние уши этого не услышали и по всему нашему стану не разнесли.

Боярин сел на другой табурет, поставив его напротив Пересвета.

Пытливый требовательный взгляд отца вывел Пересвета из себя. Ему сразу стало понятно: его отец тоже убежден в том, что он не мог так легко и просто выбраться из тевтонского плена, не запятнав свою совесть нечестивым поступком.

– Отец, вынужден разочаровать тебя, – сдерживая себя от резких слов, заговорил Пересвет. – Никаких клятв и обещаний я немцам не давал, ничего лишнего им не выболтал, в ногах у них не валялся. Меня допрашивал сам магистр Тевтонского ордена, но ничего он от меня не добился, Бог свидетель.

– Сам магистр впустую потратил на тебя время, после чего отпустил тебя на волю без всякого выкупа. – Станисмир Иванович покачал головой и всплеснул руками. – Диво, да и только, сынок!

– Согласен с тобой, отец, – хмуро обронил Пересвет. – Надеюсь, моей вины в этом нет?

– Ежели ты рассказал все без утайки, тогда винить тебя не в чем, – с тяжелым вздохом произнес Станисмир Иванович, – но коль ты солгал...

– Я поведал чистую правду! – невольно вырвалось у Пересвета. – Почто ты мне не веришь, отец? Почто мне никто не верит?

– Не бывало такого сроду, сын мой, чтобы тевтонцы просто так отпускали из плена хоть славянина, хоть литовца, хоть земгала... – сказал Станисмир Иванович, поглаживая свою русую бороду. – Это и порождает недоверие. Ердень и вовсе считает, что ты сам в плен сдался, когда Ярец и Пустовит пали от тевтонских стрел. Гридни из твоей полусотни отыскивали по следам их тела в лесу. Они-то и поведали нам, что вы трое наткнулись на вражескую засаду.

– Так все и было, – кивнул Пересвет. – Мы искали копны сена в чаще леса, а немцы обстреляли нас из арбалетов, затаившись в тростниковых зарослях. Я успел вовремя щитом прикрыться, потому и уцелел. – Пересвет помолчал и мрачно добавил: – Но лучше бы мне было пасть тогда от немецкой стрелы, чем терпеть все это недоверие.

Станисмир Иванович велел сыну не выходить покуда из его шатра, а сам боярин отправился к Корибуту Ольгердовичу. Было видно, что он идет туда с тяжелым сердцем.

Пересвет прилег на ложе и не заметил, как задремал. От дремы его пробудила отцовская рука.

– Значит, так, сын мой, – невесело проговорил Станисмир Иванович, стараясь не встречаться взглядом с Пересветом. – Корибут Ольгердович снимает тебя с должности полусотника, будешь отныне простым дружинником. Помимо этого Корибут Ольгердович приказывает тебе говорить всем, будто ты сам сбежал из плена. Все равно в милосердие и бескорыстность немцев никто не поверит. Лишь нехорошие подозрения на себя навлечешь. По-моему, князь прав.

– Прав князь или не прав, его воля для меня закон, – пробурчал Пересвет. – Хорошо хоть из дружины князь не прогнал меня в шею!

* * *

Окрестности близ Рудавского замка были малопригодны для столкновения крупных воинских полчищ. На обоих берегах покрытой льдом реки Рудавы стеной стоял густой лес, лишь кое-где прорезанный небольшими пустошами и болотистыми низинами. На одной из таких низин, по которой пролегала дорога от Рудавы до Немана, князь Ольгерд выстроил для битвы свои конные и пешие полки. Сигнал для сражения был дан отрядам Ольгерда и Кейстута сразу, едва к Рудавскому замку подошло войско крестоносцев. Тевтонцы значительно уступали в численности литовско-русскому воинству, тем не менее магистр Винрих фон Книпротде отправил к Ольгерду своего герольда с двумя мечами, что являлось прямым вызовом литовского князя на бой. Ольгерд был только рад такому быстрому развитию событий, поскольку у него не было возможности надолго задерживаться в Пруссии из-за острой нехватки продовольствия.

На фоне желто-бурых стволов сосен войско крестоносцев смотрелось живописно и грозно. Рыцари в железных латах с ног до головы, в белых плащах с чернеющими на них крестами, рыцарские кони, также защищенные металлической броней и укрытые длинными белыми попонами чуть не до земли с такими же черными крестами, – это зрелище робких наполняло страхом, а в смельчаках пробуждало ретивое желание доказать своим соратникам и себе самому, что и они не лыком шиты.

Конные полки Ольгерда и Кейстута развернулись широким фронтом на заснеженной луговине, упираясь одним из флангов в чащу леса, а другим в крутой берег реки. Позади конных дружин встала плотная масса литовско-русской пехоты с реющими над островерхими шлемами черно-красными стягами. На другом конце заснеженного поля над длинными шеренгами рыцарей и кнехтов трепетали на ветру бело-черные и желто-черные знамена крестоносцев. В прохладном февральском воздухе далеко по округе разносились хриплые протяжные сигналы боевых немецких труб.

По рядам Ольгердовой рати еще только начали передавать пароль, а со стороны тевтонского войска на середину заснеженного луга уже выехал конный рыцарь с красными перьями на шлеме, поднимавший копье кверху и вызывавший на поединок любого из храбрецов с неприятельской стороны. Для тевтонцев было обычным делом начинать сражение с поединка между двумя конниками.

Среди литовских и русских дружинников хватало опытных воинов и отчаянных голов, поэтому желающих померяться силами с тевтонцем набралось больше десятка. Ольгерд и его старшие сыновья затеяли было спор, гридня из чьего полка отправить на поединок, но в это время из рядов брянской дружины вылетел плечистый всадник в красном плаще и блестящем шлеме с бармицей. Корибут Ольгердович мигом узнал этого нетерпеливого наездника. Это был Пересвет.

Рассерженный Ольгерд повелел вернуть Пересвета, так как выбор литовского князя пал на боярина из виленской дружины. Ратники кричали и свистели Пересвету, махали ему руками, желая привлечь его внимание и повернуть назад. Однако Пересвет ни разу не оглянулся, уверенно погоняя своего коня навстречу тевтонскому рыцарю с плюмажем из красных перьев на макушке шлема.

Два всадника под прицелом многих тысяч глаз сначала сблизились, поприветствовав друг друга поднятием копий. Затем они разъехались в разные стороны и поскакали навстречу друг другу, угрожающе наклонив длинные копья. Две многотысячные рати замерли в тревожном настороженном ожидании.

Пересвет летел на своем гривастом скакуне, чуть наклонившись вперед и крепко зажав под мышкой тяжелое копье-рогатину. Левой рукой он держал поводья и одновременно удержи-

вал овальный щит в таком положении, чтобы плоскость щита укрывала его грудь и левый бок. Пересвет погонял жеребца не только шпорами, но и зычным гиканьем, понуждая его перейти в стремительный галоп. С другой стороны заснеженного поля навстречу Пересвету мчался быстрым аллюром тевонец с красными перьями на шлеме, треугольный щит которого был украшен эмблемой в виде кабаньей головы. Длинное древко тевтонского копья было тоже окрашено в красный цвет. Жеребец под рыцарем был укрыт белой тканью с нашитыми на ней черными крестами, этот длинный балахон закрывал голову животного, его шею и бока, так что определить масть рыцарского коня можно было только по ногам, мелькающим в разрезах балахона, и еще по торчащим из-под белой материи ушам.

Тевонец приближался столь стремительно, что Пересвет даже не успел толком разогнать своего скакуна. Казалось, всего несколько мгновений тому назад враг был еще далеко. И вот он уже совсем близко. В лицо Пересвету ударило горячее дыхание рыцарского коня, прямо перед ним мелькнул оскал его зубов, грызущих удила. Пересвет стиснул зубы и напряжился, целя своим копьем в горло тевтонцу, как его учил гридничий Ердень. Трясаясь в седле, Пересвет угодил копьем в щит тевтонца, услышав, как древко с треском переломилось от сильнейшего удара. В тот же миг острие вражеского копья со всего маху вонзилось Пересвету в правое плечо, пробив кольчугу. От сильнейшей боли у Пересвета потемнело в глазах. Он почувствовал, что какая-то чудовищная сила выдернула его из седла, как пушинку, и подняла в воздух. Ощущение полета и полнейшей беспомощности было кратким в сознании Пересвета. На зернистый февральский снег Пересвет упал уже в бесчувственном состоянии. Лежа на снегу с кровотокающей раной в плече, оглушенный падением, Пересвет не видел того, как рыцарская конница рысью двинулась на литовско-русские полки с громовым боевым кличем, как взлетели в воздух тучи стрел с обеих сторон, как навстречу крестоносцам с шумом и лязгом ринулась вся Ольгердова рать...

Глава девятая

Полубратья и полусестры

Очнулся Пересвет от сильной боли. Оглядевшись, он увидел, что лежит на соломе в шатре с конусообразным сводом, а над ним склонились какие-то разговаривающие по-немецки люди в длинных теплых рубахах с засученными до локтей рукавами. Незнакомцев было трое, их руки были вымазаны в крови, как и их грубая одежда. Видя, что эти чужаки с длинными растрепанными волосами собираются снять с него кольчугу, Пересвет рванулся из их рук, превозмогая боль.

Вскочив на ноги, Пересвет огляделся. Вокруг толстой жерди, подпиравшей полотняный свод шатра, на ворохах соломы вповалку лежали раненые крестоносцы в залитых кровью доспехах. Кто-то из них негромко стонал, кто-то лежал молча и неподвижно, кто-то приподнимал голову, что-то говоря по-немецки... Раненых воинов в шатре было не меньше двадцати. Трое знакомцев с засученными рукавами, судя по всему, являлись врачевателями. Один из них, самый молодой, заговорил с Пересветом по-немецки без малейшей вражды в голосе, жестами показывая русичу, что его рану нужно промыть и перевязать, а для этого с него необходимо снять кольчугу.

Однако Пересвет был не намерен расставаться со своей кольчугой. Он вообще был настроен на то, чтобы поскорее выбраться отсюда. Растолкав лекарей, Пересвет двинулся к выходу из шатра, хотя его сильно шатало из стороны в сторону. Лекари закричали, на их крик в шатер вбежали два плечистых кнехта и с ними рыцарь в белом одеянии, надетом поверх доспехов, забрызганных кровью. Кнехты, схватив Пересвета за руки, повалили его на солому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.